

Современный любовный роман

ПРЕДАТЕЛЬ

(НЕ) ВОЗВРАЩАЙСЯ

Ольга Белозубова

Ольга Белозубова

Предатель. (Не) возвращайся

<https://litres.ru/74278634>

Аннотация

В коридоре с грохотом открывается входная дверь, а затем раздаются два голоса. Первый я знаю — он принадлежит мужу. А вот второй — женский, томный и тягучий, слышу впервые. — Егор, тише ты, порвешь блузку! — Куплю новую. Иди ко мне, мой кексик. Кексик?! Так вот какой он — инвестор, на встрече с которым был муж? Муж, который думает, что меня нет дома. Я встаю с места, чувствуя, как дрожит подбородок, и в эту секунду парочка, сплетенная в одно целое, вваливается в зал. Они не обращают на меня никакого внимания — настолько увлечены друг другом. Их возню прерывает мой голос: — Я не помешала?!

В тексте есть: #измена; #встреча через время; #властный герой; #противостояние характеров #от любви до ненависти и обратно

ХЭ

Содержание

Глава 1. Двойной сюрприз	4
Глава 2. Я ничего плохого ей не сделала	16
Глава 3. Можешь остаться...	23
Глава 4. Откровение за откровением	32
Глава 5. Султан местного масштаба	37
Глава 6. На дне	43
Глава 7. Оттолкнуться и всплыть	48
Глава 8. Поставщик неприятностей	54
Глава 9. Ты не в моем вкусе	63
Глава 10. Лед тронулся	70
Глава 11. «Недалекий мажор»	76
Глава 12. Арина	83
Глава 13. Спор	88
Глава 14. Курьер	98
Глава 15. По старой памяти	104
Глава 16. (Не) все равно	109
Глава 17. Чужой дядя	118
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Глава 1. Двойной сюрприз

Арина

«Хотите знать, как зарабатывать больше?»

Реклама всплывает на весь экран телефона, и я, издав нервный смешок, смахиваю ее пальцем.

Если собеседование, которого я жду, пройдет успешно, такие вот объявления перестанут вызывать внутреннюю бурю и восклицания: «Конечно хочу!».

Компания, в которую меня пригласили на собеседование, достаточно крупная, и зарплату обещают вполне достойную. Вот бы только взяли...

«Арин, где моя синяя рубашка?» — всплывает на экране следующее сообщение, на этот раз от Егора, моего мужа, и я легонько качаю головой.

С ним периодически случается как в том анекдоте, когда жена говорит мужу: «Вот то, что ты искал. Как я и сказала, на второй полке». А муж разводит руками: «Когда я смотрел, там ничего не было!»

«В шкафу, справа от пиджаков», — быстро печатаю ответ любимому.

Наверное, собирается на переговоры с возможным инвестором. У Егора небольшая автомастерская, и он планирует расширяться, поэтому практически все деньги мы сейчас вкладываем в развитие его бизнеса.

«Я хочу, чтобы у тебя и нашего сына было все, что нужно. Потерпи немножко, любимая», — вспоминаю слова мужа.

Я всячески поддерживаю его стремление расти, да и сама хочу тоже устроиться на работу, тем более сын уже начал нормально ходить в детский сад, а не как раньше — неделю в садике, две болеет дома.

— Арина Александровна, пройдемте в мой кабинет, — вырастает передо мной вежливая брюнетка-рекрутер.

Я вхожу в кабинет со стеклянными стенами, устраиваюсь в кресле напротив нее, полубоком к двери.

Брюнетка сыплет вопросами, как из рога изобилия. Слава богу, ни один из них не вызывает затруднений, ведь это далеко не первое мое собеседование за последний месяц.

Я отвечаю на очередной вопрос с улыбкой, но она молниеносно гаснет, как только я бросаю взгляд на стеклянную стену.

Он?! Серьезно он? Да ну, не может быть.

Кошу взглядом на проходящего мимо кабинета крепко сложенного темноволосого мужчину в идеальном синем костюме и очень скоро убеждаюсь: действительно он!

Прошло пять лет с тех пор, как мы виделись в последний раз, он повзрослел и стал еще мужественнее, но кое-что не изменилось: все та же легкая небритость, цепкий взгляд с прищуром, ухмылка и вид хозяина жизни.

Сердце ухает в пятки, ведь это Артем Львов — тот, кого я бы с удовольствием стерла из памяти. Он был моей первой

большой любовью и стал самым большим разочарованием. Жестоко предал, и мне пришлось начинать жизнь заново, собирая себя по кусочкам.

Вот это сюрприз так сюрприз. Я думала, Артем давно уехал из города и не собирается возвращаться.

Брюнетка-рекрутер следит за моим взглядом:

— Это Артем Германович, новый владелец нашей компании. Он, кстати, ищет себе помощницу, но вас вряд ли возьмут на эту должность, ему нужен кто-то поопытнее.

Э нет, даже если меня сюда возьмут, все равно не пойду. Буду держаться от Львова подальше. Знай я, что он владелец компании, вообще ни за что сюда не заявила бы!

Лишь бы только не заметил меня. Я тихонько выйду из здания и больше сюда ни ногой. Ведь если увидит, то может заинтересоваться моей скромной персоной и узнать, что пять лет назад я от него кое-что скрыла. Уж он способен на подлость, мне ли не знать. Ему разрушить чью-то жизнь — как пальцами щелкнуть.

Я чувствую, как меня накрывает паникой. Дышу, стараясь успокоиться. Подумаешь, явилась в компанию бывшего. Еще чуть-чуть, и уйду. И не вернусь! Он и знать не будет, что я тут побывала.

Собеседование продолжается, но я уже не стараюсь показать себя с лучшей стороны — наоборот, и через пятнадцать минут слышу:

— Спасибо, Арина Александровна, мы с вами свяжемся.

И сказано это таким тоном, что сразу становится ясно: не свяжутся.

Фух. Вот и отлично.

Я выскальзываю из кабинета, для начала верчу головой, но Львова не замечаю. Тогда спешно покидаю коридор, проскользываю к лифту. Потом и вовсе решаю пойти пешком. Шестой этаж, вряд ли директор станет гулять по лестнице, значит, шанс пересечься с ним стремится к нулю.

Через несколько минут я прохожу через турникет, оказываюсь на улице и практически бегу в сторону остановки. Только там, вдали от офиса Львова, перевожу дыхание. Пронесло.

Однако внутренний голос назойливо твердит: «Ох, не к добру он вернулся в город...»

Я глубоко дышу, стараюсь успокоиться. Во-первых, город у нас большой, миллионник как-никак. Тут и с друзьями редко видишься, все некогда. Во-вторых, я живу в другом районе и в этом почти не бываю. Да и где нам с Артемом встречаться? Слишком разный круг общения, судя по его текущему положению.

Обещаю себе не думать о нем. Лучше подумаю о чем-то приятном — дне рождения подруги, например. Он как раз сегодня. Галя, наверное, заждалась, вот и не стану ее томить.

Встречу со Львовым я забуду, как страшный сон. Артем — мое прошлое, там и останется. А муж и сын — настоящее и будущее.

— С днем рожде-е-е... — тяну нараспев, как только по-друга открывает дверь.

И тут же осекаюсь: именинница вся в слезах. Тушь потекла, щеки в грязных разводах, помада и та смазалась.

— Что случилось? — вытягивается мое лицо.

— Заходи, — машет рукой Галя.

Я вхожу и столбенею: на полу в коридоре какие-то осколки, в зале тоже словно татаро-монгольское иго пронеслось. Двери шкафа открыты, и по всей комнате валяются мужские вещи.

И ни одного гостя. В центре зала стол, но совершенно пустой, на нем лишь скатерть. Зато на полу рядом со столом разбитая салатница с селедкой под шубой, который перемешался с осколками. А я-то и думаю, что за характерный запах?

Поворачиваюсь к Гале:

— А где все?

И она жалобно всхлипывает:

— Отменила я гостей... Арин, Сашка ушел!

— Как ушел? — охаю я.

Галя и Саша встречались четыре года, и она ожидала получить предложение руки и сердца в свой день рождения. Надеялась, он сделает это при гостях, даже успела похвалиться всем нашим, что он обещал ей какой-то серьезный разговор. И правда, какой еще разговор он мог иметь в виду,

учитывая, что она нашла в его пиджаке золотое колечко? А тут такое...

— Он мне изменя-а-ает! — снова ревет подруга.

Охренеть не встать.

Я обнимаю Галю, глажу ее по волосам, по спине, утешая.

Хотя как тут утешить? Что ни скажи — все не то, я ведь знаю, как она его любит, как мечтала выйти за него замуж.

Мы садимся на диван, и подруга рассказывает, что случилось, пока я собираю осколки и остатки салата.

Я в полном шоке качаю головой, когда она заканчивает.

Ну, Сашка, ну подонок!

Оказывается, он уже полгода мучил с какой-то девушкой с работы. И колечко, которое нашла Галя, хоть и обручальное, но не для нее. Он купил его для коллеги! Видите ли, ей и хочет сделать предложение. В голове не укладывается.

— Арин, он ведь четыре года со мной жил, четыре! — морщится Галя. — А ей собрался сделать предложение через шесть месяцев. Это как вообще?

— Мне другое непонятно, — задумчиво хмурюсь. — Это он что, сначала хотел получить согласие от коллеги, а потом расстаться с тобой? Если бы она не согласилась, продолжил бы жить с тобой или как?

— Не знаю. Наверное, так.

М-да. Козел он и в Африке козел. Хороший такой козел, упитанный. Мог бы сразу прямо сказать, что не собирается жениться, а не кормить завтраками. Неплохо устроился.

Мне хочется собственными руками придушить этого гада.
— Где он, кстати? — интересуюсь.

— Выгнала, — хмыкает Галя. — Пусть собирает свои ма-
натки и валит на все четыре стороны. Квартира хоть и съем-
ная, но на мое имя.

— Вот и правильно, — поддерживаю подругу.

С предателями разговор должен быть короткий: выход
вон там.

Сердце сжимается от обиды за подругу. Даже представить
не могу, что почувствовала бы, окажись на ее месте. Как
представляю, что Егор может вытворить такое, так и... Нет,
даже представлять не хочу.

У нас, конечно, не все идеально, и ссоры бывают, и споры,
но главное — мы всегда стремимся понять друга друга, вы-
слушать. Тем более после того, что вытворил Львов, именно
Егор меня поддержал, подставил плечо. Затем и вовсе стал
моим мужем.

А Галя ждала-ждала своего предложения, да так и не до-
ждалась.

В кармане вибрирует телефон, и я смотрю на экран. Егор.
«Тебя ждать утром?»

«Да», — печатаю.

Галя пригласила меня с ночевкой, чтобы мы могли всласть
поболтать после того, как разойдутся гости. Гостей, конечно,
нет, но я тем более собираюсь остаться — не хочу оставлять
подругу одну в таком состоянии.

«Хорошо. Я уже дома, вернешься, расскажу, как прошла встреча с инвестором. Поздравь от меня Галю. Отдыхайте, девочки. Люблю тебя».

«И я тебя», — печатаю с улыбкой.

Подруга наблюдает за мной, поджимая губы.

— Егор? — кивает на телефон.

— Ага.

— Что пишет?

— Да так, — пожимаю плечами, — интересуется, как мы.

Передал поздравления, спросил, когда меня ждать.

— Знаешь что? — вдруг хмыкает Галя, сузив веки, и ее голос сочится злобой и болью: — Он по ходу тоже тебе изменяет.

Я аж теряюсь на мгновение.

— Галь, ты чего? — хмурюсь в недоумении. — Я понимаю, что у тебя такое, но...

— Что но? — вскакивает она с дивана, всплескивает руками. — Что? Все они изменяют, все! До единого! А те, кто не изменяет сейчас, изменят в будущем. Все козлы! Или, скажешь, Егор никогда не задерживается на работе?

— Задерживается, но это же ради дела.

— Вот и мой дозадерживался. И твой неспроста это делает. Думаешь, просто так сейчас проверяет, где ты? Как бы не так. Мой тоже не раз проверял. Теперь-то я знаю, кувыркался тут со своей подстилкой! И вообще, с чего он вдруг попросил отвезти Мишку к твоей сестре, а не остался с ним

сам, а?

— С того, — раздраженно выпаливаю я, — что он сам задерживался из-за встречи с инвестором. Вот и решили отвезти. Я же говорила.

Я смотрю на подругу и не узнаю. Да, периодически она вздыхала, говорила, завидует белой завистью тому, что мне так повезло с мужем. И умный, мол, и перспективный. И любит меня.

— Галь, — все еще не могу поверить в то, что слышу. — Давай не будем. Не все мужчины такие. Егор точно не такой. Он любит меня и сына.

— Ну да, ну да, — выплевывает подруга. — Я-то помню, как он предъявлял тебе, что не можешь родить ему родного ребенка.

— Так, все, хватит! — Я встаю с места. — Я не намерена продолжать разговор в этом духе.

— Правда глаза колет? — язвит Галя. — Кто тебе еще ее скажет, кроме меня?

Но я больше ее не слушаю. Хватаю сумку и вылетаю из квартиры, с силой захлопывая входную дверь.

Сердце стучит, распирает грудную клетку обидой и злостью.

Что случилось с подругой? В нее будто бес вселился. У самой нелады, так пусть и другим будет несладко?

Ну уж нет. Да, часть правды в словах Гали есть, но это ж надо было умудриться так все извратить!

Егор действительно принял меня с ребенком, и за это я буду ему вечно благодарна, но он любит Мишу как родного. И забеременеть я не могу, это тоже правда. Не получается, и все тут. Но со здоровьем у меня и у него все в порядке, и я уверена: это лишь вопрос времени.

А уж задержки на работе... С кем не бывает? Если так думать, можно и с ума сойти. Или вообще ни с кем не встречаться и не выходить замуж.

Приехала Арина на день рождения, пообщалась, ничего не скажешь. Погостила так погостила.

Я в полном эмоциональном раздоре вызываю такси и еду домой.

По дороге представляю, как зайду в квартиру, уткнувшись любимому в плечо. Он прижмет к себе покрепче, скажет, как любит, и я забуду весь вздор, который наговорила Галя.

Однако когда захожу в нашу квартиру, обнаруживаю, что там никого нет. Странно. Егор ведь написал, что уже дома.

Я прохожу в зал, где горит торшер в углу, сажусь на диван и плююсь на выключенный телевизор.

Может, вышел в магазин? В принципе, еще не поздно.

Достаю из сумки телефон и набираю мужа.

— Егор, а ты где? — спрашиваю, когда он наконец отвечает.

— Так дома, валяюсь на диване, смотрю телик. Что, соскучилась? — усмехается по-доброму. — Я тоже по тебе скучаю.

А я перевожу взгляд на телевизор, провожу ладонью по дивану, на котором сижу одна, и чувствую, как горло сковывает, будто колючей проволокой.

Не успеваю сказать и слова, как муж добавляет:

— Ладно, малыш, у меня все нормально, развлекайтесь там, не хочу мешать.

И кладет трубку.

В телефоне раздаются короткие гудки, затем стихают и они, а я все продолжаю оцепенело пялиться в одну точку. Егор соврал. Он. Мне. Соврал!

Тело пробивает нервная дрожь, и я закусываю губу.

Где он? С кем? Неужели все, что сказала Галя, правда? Может, она и вовсе что-то знает, потому так и сказала?

Впрочем, долго гадать мне не приходится. Вскоре я слышу, как с грохотом открывается входная дверь, а затем раздаются два голоса. Первый я знаю — он принадлежит мужу. А вот второй — женский, томный и тягучий, слышу впервые.

— Егор, тише ты, порвешь блузку!

— Куплю новую. Иди ко мне, мой кексик.

Кексик?! Из коридора тем временем доносятся смешки и какое-то копошение.

Так вот какой он — инвестор, на встрече с которым был муж?

Я встаю с места, чувствуя, как дрожит подбородок, и в эту секунду парочка, сплетенная в одно целое, вваливается в зал.

Они не обращают на меня никакого внимания — на-

столько увлечены друг другом. Муж прижимает незнакомую блондинку к двери. Они целуются так рьяно, будто мир вот-вот схлопнется, и им надо срочно успеть насладиться друг другом.

Блузка на блондинке уже расстегнута, и я сразу отмечаю пышный бюст.

Не то что у меня — совершенно некстати проносится дикая мысль.

Их возню прерывает мой голос:
— Я не помешала?!

Глава 2. Я ничего плохого ей не сделала

Арина

Девица дергается от моего голоса, отпрыгивает от Егора на добрый метр и молниеносно запахивает на груди блузку.

Я подмечаю, что она совсем молоденькая. Ей и двадцати нет, похоже.

Егор разворачивается ко мне, будто в замедленной съемке, и его лицо багровеет.

— Что ты тут делаешь? — наезжает на меня он.

— Я? — округляю глаза. — Вообще-то, живу, если ты не забыл!

— Ты должна быть в гостях с ночевкой, — обвинительным тоном бросает Егор, впопыхах застегивая ремень на брюках. — Почему не сказала, что вернешься раньше?

«Это не то, что ты подумала».

«Ты все не так поняла».

«Бес попутал, прости».

Я ждала чего-то из разряда таких вот пусть и жалких, но оправданий, а не нападков, поэтому теряюсь, мотаю головой в полном шоке.

— Так это Арина? — хлопает ресницами блондинка. Не у меня спрашивает, у мужа.

Тот кивает.

— Ты описывал ее совсем иначе, — осуждающе косится она на Егора.

Чего?! В этот момент сердце бьется где-то в горле, и я прячу за спину трясущиеся руки. Впрочем, это не особо помогает, потому что дрожь пробивает все тело.

Я перевожу ошарашенный взгляд с девицы на мужа и обратно. Это что же выходит, блондинка обо мне знает и ее насколько не смущает, что она в отношениях с женатым мужчиной?

И мало того что знает, так они вдобавок ко всему обсуждали меня за моей спиной? Почему? Зачем? Получается, это не связь на одну ночь, они спят уже какое-то время? Вопросы один за другим бомбардируют мой бедный мозг. Такое чувство, что он вот-вот взорвется, а сердце выпрыгнет из груди.

А я ни сном ни духом...

— Зато мне он ничего не рассказывал о тебе, — бросаю в сердцах.

— Неправда, — возмущенно хмурится блондинка. — И вообще, вы почти в разводе, и ты скоро съедешь.

— В разводе? Съеду? — ошалело повторяю я и круглыми глазами смотрю на мужа.

Мужа, которого я, как думала, хорошо знаю. Каждую черточку его лица, привычки, обороты речи. В каком настроении проснулся. О чем мечтает. Как горит его взгляд, когда я надеваю красивое белье и захожу в кабинет, где он работает

допоздна.

Меня бросает в жар, и я еле сдерживаю слезы, что рвутся наружу.

То-то Егор последние несколько месяцев ходил какой-то задумчивый. На мои вопросы лишь отмахивался — работы много, скоро открывать вторую точку.

И я верила. Как последняя дура верила!

Егору впору открывать не вторую точку, а завод по производству лапши, которую он навешал на уши нам обеим. Очевидно, блондинке он тоже врал. «Описывал иначе». Это как, интересно? Старой, страшной, толстой домохозяйкой в бигуди и засаленном халате? С которой он живет как с соседкой по коммуналке и, разумеется, не спит уже лет десять, хотя мы и в браке-то меньше.

Я набираю полную грудь воздуха и рывкаю:

— Ты ничего не хочешь мне объяснить, Егор?

— Да, котик, — надувает губы блондинка, горделиво задевает подбородок. — Давно пора, мне уже не терпится все здесь изменить.

Слова блондинки взрываются в голове, словно граната. Я не выдерживаю, бухаюсь на диван, и по щекам неудержимым потоком катятся слезы. В смысле все здесь изменить? Я с такой любовью выбирала каждую мелочь для этой квартиры! Все здесь на своем месте. Все так, чтобы было максимально комфортно и уютно. И по какому, вообще, праву она собралась тут что-то менять?!

Это какой-то театр абсурда. Губы дрожат, дыхание перехватывает, и я судорожно вдыхаю воздух.

Мне хочется, чтобы это все оказалось плохим сном. Кошмаром, который развеется с первыми лучами солнца.

— Егор? — надтреснутым голосом шепчу я. — О чем она вообще?

— Скажи уже! — насаждает на него блондинка.

Муж от такого обоюдного напора делает шаг назад. С натянутой, но все же улыбкой смотрит на блондинку. Когда разворачивается ко мне, его улыбка гаснет, и взгляд наливаясь такой неприкрытой злобой, что по моему позвоночнику бежит холодок, и я подаюсь назад.

За то время, что я его знаю, он смотрел на меня по-разному, но с такой неприкрытой агрессией — никогда.

— Я хотел сообщить это в другой обстановке, — цедит сквозь зубы Егор. — Так что ты сама виновата.

Я виновата? В чем? Что не вовремя вернулась в свой дом?

Только набираю полную грудь воздуха, чтобы ответить, как муж добивает меня ледяным тоном:

— Это Алла, и она будет жить тут.

Я круглыми глазами смотрю на мужа и отказываюсь верить в то, что он говорит серьезно. Еще сегодня утром все было как обычно, поэтому эта новость огорошивает, выбивает почву из-под ног.

Голова предательски кружится. Перед глазами все плывет, и я хватаю воздух ртом. Не хватало еще упасть в обмо-

рок перед тем, кого считала верным и любящим мужем.

— Ты в своем уме? — наконец выпаливаю на выдохе, и голос срывается. — Шведской семьи захотелось?

— Нет, мы разводимся, — коротко отрезает Егор. — Ты съедешь.

— А как же Миша? — охаю я.

— С ним и съедешь, — жестко заявляет муж.

Так заявляет, как будто мы просто гостили у него несколько лет, как будто я не его жена и у него нет сына. Как будто это не он с нежностью не раз повторял, как нас любит.

Меня резко бросает в жар, я плавлюсь, выгораю изнутри. Дикая боль и страшная, невыносимая обида накрывают меня огромной волной, и я взрываюсь:

— Да ты охренел?!

— Вообще-то, — сужает веки Егор, гремит: — Квартира моя, к тому же ты не хуже меня знаешь, что у нас в последнее время не ладилось.

Что-о? Я-то как раз считала, что у нас все пусть и не идеально, но уж точно не «не ладилось». Видимо, в это верила только я. Тем более никаких упреков от мужа в последнее время вообще не было.

Смотрю, как Аллочка с сочувствием гладит Егора по плечу, поджимает губы. Мол, бедняга, как не повезло с женой.

— Алла беременна, — добивает меня муж, — и ей нужны хорошие условия.

Меня ведет в сторону, и я цепляюсь ладонью за подлокот-

ник дивана.

Так вот в чем дело... Я не смогла родить ему родного ребенка, и он нашел ту, которая это сделает. За моей спиной. Вот подонок!

— А собственной жене и сыну условия, значит, не нужны?
— еще больше закипаю я.

— Можно подумать, вам некуда пойти, — снова злится Егор. — У тебя есть мать и сестра, вот и живите у них.

Так-то оно так, есть. Но жить у них я не смогу, тем более с ребенком, и мужу об этом прекрасно известно.

Я снова открываю рот и тут же закрываю. С кем я собралась говорить, кому объяснять? Егор распустил хвост, как павлин, перед новой избранницей. Я и Миша для него теперь обуза, старый чемодан без ручки, который он не моргнув глазом готов выкинуть на свалку.

— Да пошел ты со своей курицей Аллой! — выпаливаю я и, задев ее плечом, бросаюсь вон из зала.

Тяжело дыша, обуваюсь, ищу взглядом сумку и вдруг слышу приглушенный голос любовницы мужа. Она канючит мерзким недовольным голосом:

— Она меня курицей обозвала! И плечом задела пребольно. Котик, ты что, ей ничего не скажешь?! Я ведь ничего плохого ей не сделала!

У меня аж веко начинает дергаться. Вот стерва!

Жду пару секунд, вдруг «Котик» выйдет. Страшно хочется врезать ему по морде, а еще лучше — кастрировать без

анестезии. Но он не решается, что-то тихо говорит Алле — видимо, успокаивает.

Чему я удивляюсь? Он не смог даже поговорить со мной один на один, расстаться по-человечески, дать время съехать и развестись, а потом уж перевозить ее сюда.

Я дрожащей рукой хватаю со столешницы ключи от квартиры и вылетаю в подъезд.

Выхожу на улицу и стону вслух. Фонарь у подъезда мигает прерывисто, а затем гаснет окончательно. Луну на небе заволакивают тучи, и через пару секунд на улице становится почти так же темно, как и в моей душе.

Стою так с минуту, сжимаю руки в кулаки так, что ногти впиваются в ладони, и бреду подальше отсюда.

В голове мешанина из мыслей, но главная из них одна: куда мне теперь идти?

Глава 3. Можешь остаться...

Арина

Сердце заходится в бешеном ритме, бьется о грудную клетку с такой силой, что кажется, вот-вот выпрыгнет.

Обида душит, мешает мыслить здраво.

Я все еще отказываюсь верить в то, что это не сон. Ну, ладно я. Взрослая, переживу, справлюсь. Но Егор хотя бы о сыне подумал! Миша ведь называет его папой, всегда радостно мчится в коридор, когда муж возвращается с работы.

«Папочка!» — тянется к нему, воодушевленно делится тем, что случилось за день, смотрит на него сияющими глазенками.

Мне вот стоит только посмотреть на сына, обнять, и меня затапливает безграничная любовь, внутри будто загораются тысячи ярких звезд. Как Егор мог вот так просто отказаться от такого маленького счастья?

«У тебя есть мать и сестра, живите у них», — всплывают в памяти его слова, и мне хочется взять огромную чугунную сковородку и хорошенько приложить его по темечку.

Выкрутился перед Аллочкой, чтобы не выглядеть чудовищем. Хотя чудовище и есть.

Он ведь прекрасно знает, что сестра сама живет с мужем и ребенком у собственных свекров, потому что в их недавно купленной квартире только стяжка и штукатурка. Сделают

ремонт и переедут. Да и отношения со свекровью у нее натянутые, так что жить там вообще не вариант.

Я даже звонить ей сейчас не стану. Судя по времени, она уже укладывает детей, ни к чему ей такие новости на ночь глядя. Хватит того, что до одури паршиво мне. Так паршиво, что хочется выть на луну. Я ведь знаю сердобольный характер сестры: расстроится ужасно, будет переживать всю ночь.

Мы с ней пусть и неродные по крови, но очень близки.

Не то что с мамой... Когда она вышла замуж за своего первого мужа-вдовца, ей вместе с ним досталась и я, трехлетняя малышка. А через год отец умер.

Мама не сдала меня в детский дом, хотя могла. О чем и сообщала все детство. «Цени!» — повторяла раз за разом. И я ценила всем своим маленьким детским сердцем.

Еще через год она снова вышла замуж, и родилась моя сестра, Лора. Отчим ушел от нас, когда сестре исполнилось пять лет. Мама рыдала, а я... нет. Уж лучше совсем без отца, чем с таким. Он часто пил, гонял мать и меня заодно. Не трогал только Лору.

Тот день, когда отчим ушел, стал самым счастливым за много-много лет. Мы остались втроем.

Вспоминаю, как ревновала сестру к маме в детстве, как мечтала, чтобы Лора куда-нибудь исчезла, ведь тогда все мамино внимание и чуточку ласки достались бы мне. Но нет, каждый день я просыпалась в одной спальне с сестрой. Все лучшее доставалось именно Лоре, а я «уже большая, должна

понимать».

Я страшно злилась, когда на мой очередной день рождения мама подарила мне потрепанную книжку, сказала, что денег нет, а через две недели купила красивучее розовое пышное платье Лоре на ее седьмой день рождения.

Я тогда даже расплакалась от горькой обиды, умчалась в комнату и не выходила весь вечер, пока гости праздновали день рождения и ели большой красивый торт. Наверняка вкусный. Мне так и не досталось ни кусочка.

А утром я застала Лору сидящей на кровати с высунутым от усердия языком. Рядом с ней лежало то самое красивое платье... с квадратной дыркой на подоле.

Сестра вырезала кусок и самозабвенно пришивала его в виде заплатки на мои старенькие темно-синие брюки от спортивного костюма, которые протерлись в одном месте от старости.

Она увидела, что я проснулась, улыбнулась и протянула мне обновку.

«Это тебе! Красиво, правда?»

Я тогда подавилась смешком. Ярро-розовая заплатка на спортивной вещи — красиво? Пальма первенства в конкурсе «Швея без границ» без сомнения досталась бы Лоре.

Однако с того момента мое отношение к ней изменилось, и спустя несколько лет мы и вовсе стали с ней не разлей вода. Это и сейчас так.

А мама... Она видится с Мишей раз в пару месяцев, да и

созваниваемся мы с ней не так уж часто.

«Чужой ребенок всегда будет обузой для мужчины», — вспоминаю ее колкие слова. Она бросила их в сердцах давным-давно, но я помню.

В любом случае, других вариантов у меня все равно нет, придется ехать к ней.

Мама сейчас живет в своей двухкомнатной квартире с мужчиной, который моложе ее на шесть лет. Светится счастьем, порхает и радуется жизни. А когда человек счастлив сам, он хочет делиться счастьем с другими, разве нет?

Тем более я не стану навязываться надолго, максимум на несколько недель. Найду жилье, устроюсь на работу и съеду.

В этот момент как никогда радуюсь тому, что в последний год брала подработки на дом, и у меня на карточке сейчас есть тысяч десять. Негусто, но лучше, чем ноль.

Я бреду на остановку, по пути несколько раз набираю маму.

Она не отвечает, и приходится ехать так. Когда подхожу к нужному подъезду, задираю голову и вижу, что на ее кухне горит свет. Все-таки дома.

Я вхожу в подъезд вслед за молодой девушкой и спустя минуту звоню в дверь маминой квартиры.

Дверь открывает мамин сожитель, Виталий, с голым торсом — на нем лишь черные домашние шорты. Он проходит по мне взглядом сверху вниз, приподнимая бровь, чешет затылок в недоумении.

Ну да, ну да, я до этого ни разу не приезжала без звонка, тем более в такое время.

— Привет, мама дома? — спрашиваю. — Мне надо с ней поговорить.

— Не, нету, — тянет он и смотрит на часы. — Да ты проходи, она вот-вот вернется.

Я мешкаюсь. Мне не хочется оставаться с ним наедине, потому что в данный момент я совсем не в том состоянии, чтобы сидеть с ним и поддерживать ни к чему не обязывающий светский разговор. Да и неуютно как-то, обычно мы всегда общались в присутствии мамы.

С другой стороны, не ждать ведь за дверью или у подъезда. Там, на лавочке неподалеку, сидит какая-то громкая компания парней с бутылками в руках. Привлечь их внимание мне хочется еще меньше, чем общаться с маминым сожителем. Этот хотя бы безвредный, насколько мне известно.

— Ну ты чего? Так и будешь тут стоять? — машет Виталий рукой в приглашающем жесте.

И я все-таки захожу.

— Слушай, ты посидишь немного на кухне одна? Я подойду попозже, у меня есть одно важное дело, надо закончить, — оглядывается он в сторону зала.

— Конечно, можешь не торопиться, — улыбаюсь натянуто.

Фух, гора с плеч. Знаю я, какое у него дело: в зале стоит компьютер, и наверняка его ждут друзья-танкисты в он-

лайн-игрушке.

Я иду на кухню, присаживаюсь на табуретку.

О вкусах, конечно, не спорят, но я до сих пор не могу понять, что мама нашла в Виталике. Ну да, на внешность ничего: высокий подтянутый брюнет. Но на этом все хорошее, как по мне, заканчивается.

Виталик — заядлый любитель компьютерных игр. Постоянной работы на данный момент нет, и он перебивается случайными заработками. Наверное, есть в нем какие-то скрытые качества, ведь мама так ценит его явно не за красивые глаза.

Ладно, я тут не за этим. И сама хороша, чего уж там. Так ошибиться с выбором — это надо еще умудриться.

Мы с мужем знакомы еще с университета, и я думала, что хорошо его знаю, что он не способен на такое подлое предательство. Верила, что нашла в Егоре достойного мужчину, главу семьи, а по факту... Реальность больно ударила, лишила почвы под ногами.

Я шмыгаю носом, вспоминая, с какой дикой злобой на меня смотрел муж, хотя еще вчера лежал со мной в одной постели, шептал на ушко всякие нежности.

Двуличная скотина!

Я так погружаюсь в свои мысли и воспоминания, облокотившись о стол и закрыв лицо ладонями, что выпрямляюсь, только когда слышу за спиной голос мамы:

— Арина?

Я поднимаю взгляд на нее, и глаза влажнеют сами собой.

— Мам, — всхлипываю.

— Что случилось? — охает она, вглядывается в мое лицо.

— Егор вышвырнул меня и Мишу из дома, — выдыхаю с болью в голосе.

— В смысле вышвырнул? — оторопело переспрашивает мама.

— Привел домой какую-то молоденькую девицу, сказал, что она от него беременна и будет жить у него. И ладно бы мы ссорились и все было плохо, так ведь нет! Мы столько всего планировали... Мам, мне так плохо... — шепчу я мучительно.

Мама бухается на табуретку напротив, мотает головой.

— Ты уверена, что все поняла правильно? Что-то не вяжется у меня Егор и то, что ты говоришь.

— Что тут можно было понять неправильно?! — восклицаю я.

Рассказываю маме, как было дело, и в это время на кухню заваливается Виталий, замирает в дверях, опираясь о дверной косяк. Теперь на нем есть и футболка.

— Вот урод! Хочешь, я поговорю с ним по-мужски? — скрещивает руки на груди, когда я заканчиваю.

— И что это даст? — горько усмехаюсь я. — Муж четко дал понять, что в его, — подчеркиваю это слово, — квартире мне и Мише не место. Даже не поговорил со мной по-человечески.

— Охренеть, — выдает Виталий с чувством. — Кем надо быть, чтобы не оценить и бросить такую девушку?

Я ощущаю на себе его нехороший взгляд. Такой, который не должна чувствовать. Слишком оценивающий.

Хуже всего другое: мама тоже это видит, сразу мрачнеет, поджимает губы.

— Егор официально отец Миши, — хмурится. — Подавай на алименты, пусть платит.

— Да, — киваю, — вот только до их получения пройдет какое-то время, а жить с Мишей мне негде уже сегодня.

Я проглатываю внутренний ком, умолкаю на несколько секунд, но в итоге решаюсь попросить о том, зачем пришла:

— Мам, можно мы на какое-то время останемся у тебя? Я найду работу и квартиру, и мы сразу съедем.

Мама смотрит на меня, потом на Виталия.

— Что ж мы так сидим, — всплескивает руками, никак не комментируя мой вопрос, — давай хоть чаю налью.

Она вскакивает и начинает суетиться по кухне: щелкает чайником, заглядывает в кухонный шкафчик и качает головой:

— Совсем ничего к чаю не осталось. Виталь, сходи, пожалуйста, в магазин.

— Конечно, — кивает тот и выходит из кухни.

Когда за ним закрывается дверь, мама перестает изображать бурную деятельность, снова садится напротив и бура-

вит меня тяжелым взглядом.

— Арина, я не жду, что ты меня поймешь. Но я еще молодая, хочу наконец пожить для себя и ради себя. Ты красивая девочка, сама знаешь, как на тебя реагируют мужчины. А Виталий — молодой мужчина. Буду честной: я не хочу для него таких соблазнов в собственной квартире. Может, он мой последний шанс на счастье. И лишиться его я не могу. Тем более ты взрослая и, когда принимала решение оставить Мишу, говорила мне, что сама со всем справишься. Вот и неси ответственность. Я тебя не гоню, ты не подумай. Можешь у меня остаться. До утра.

Глава 4. Откровение за откровением

Арина

Я в немом шоке сглатываю стоящий в горле ком гигантских размеров.

Мама ведь это несерьезно? Однако чем дольше на нее смотрю в полном обалдении, тем больше убеждаюсь: серьезнее некуда.

— Можешь лечь в зале, я постелю. В конце концов, у тебя ведь есть подруги, вот и поживи у какой-нибудь из них, — продолжает мама. — Я бы помогла с деньгами, но до получки еще две недели, и у самой в кошельке всего пара тысяч.

Она прокашливается и спрашивает как ни в чем не бывало:

— Ты голодная? Будешь ужинать?

Голодная? Ужинать?! Она правда считает, что мне полезет в горло хоть что-то?

— Не б-буду, — сипло бормочу.

Ловлю себя на чувстве дежавю. Ведь и Егор несколько часов назад сказал: чего я переживаю, мне ведь есть где жить.

Ага, аж до утра. Сердце бешено стучит, а глаза влажнеют от горькой обиды. Ладно Егор, но мама! Родной человек. Пусть и не по крови, но ведь она растила меня столько лет.

И вот так запросто предпочла какого-то Виталика...

Я мысленно стону, пытаюсь принять жестокую действительность. Я всегда была обузой для мамы, но и представить не могла, что она откажет в помощи в такой ситуации.

Я ведь не прошу ее поселить нас у себя навсегда. Пара недель, вот и все, что мне нужно.

Порываюсь попросить еще раз, но так ничего и не говорю, замечая ее решительный взгляд и защитную позу. Мама готова к обороне. От меня! Как будто я собираюсь нападать!

Боже... Никогда мне ее не понять. Ее мотивы, чувства, логику. Особенно после того, как сама стала матерью. Стараюсь представить, что сын, когда вырастет, придет ко мне, а я откажу в помощи в патовой ситуации. И не могу. Никак не получается.

Мне настолько обидно и скверно на душе, что хочется встать и уйти. Уйти и больше никогда сюда не возвращаться. Становится еще поганее оттого, что даже этого не могу себе позволить — ночевать мне больше нигде. Гостиница тоже не вариант, даже на одну ночь — каждая копейка на счету.

Придется остаться, как бы ни хотелось поступить по-другому. Но куда идти завтра, тем более с Мишкой? На улицу?

Перед глазами всплывает лицо сына, и в этот момент я мрачно выдыхаю: ну уж нет! С чего я вообще должна ночевать на улице? У меня есть муж. Пусть и подонок, но он обязан помочь мне и сыну с деньгами на съемную квартиру и на первое время. Это как минимум. А там разведемся и пусть

делает что хочет со своей Аллочкой.

— Можно я сразу лягу спать? — смотрю на маму. — Ты не против?

— Конечно! — Она будто даже рада.

Сначала не могу понять почему, а потом до меня доходит. Наверняка потому, что не буду маячить перед Виталиком и «соблазнять» своим существованием.

Дожила... Собственная мать ревнует меня к ухажеру.

Мы идем в зал, и она достает белье для меня, застилает диван.

— Погасить свет? — спрашивает.

— Да, — киваю.

Мама уходит, щелкая выключателем, и я остаюсь одна почти в полной темноте — лишь тонкая полоска света пробивается через закрытую дверь.

Уснуть у меня так и не получается, я ворочаюсь с боку на бок всю ночь, и когда все-таки проваливаюсь в полудрему, мне снится то мама, то Егор. Брр...

Утром подскакиваю разбитая донельзя. Состояние такое, как будто по мне проехался Камаз, а для верности начатое завершил каток.

Я заливаю в себя две кружки кофе без сахара и тихонько выхожу из маминой квартиры, закрывая за собой дверь. Слава богу, они еще спали, когда я встала. Даже не знаю, как после такого с ней общаться. Не уверена, что выйдет. Да и надо ли? Похоже, это общение было нужно только мне. На-

верное, в моей душе все эти годы жила маленькая девочка, которая жаждала получить материнское тепло и ласку. Вот только у матери их нет, по крайней мере для меня. И сегодня я поняла это окончательно.

В самом мрачном настроении еду на работу к Егору — наверняка он уже там.

Когда захожу в офис, почти сразу у входа натыкаюсь на Аллу и аж столбенею. Она меня не видит, скрывается за дверью в кабинет, где, насколько мне известно, сидит бухгалтер.

Вот это новости. Она что, тут работает? Так вот где Егор ее нашел! Ну скотина, далеко не искал, держит под боком.

По коридору идет Славик, один из механиков Егора, улыбочивый и доброжелательный парень лет двадцати.

— Слава, здравствуй, — стараюсь улыбнуться, но выходит плохо.

— Привет, — кивает он.

— А ты не знаешь Аллу? Ну, блондинка, молоденькая такая.

— Знаю, ага, — отводит взгляд Славик и едва заметно покачивает головой.

Я как-то сразу осознаю: он в курсе их шашней. Сдается мне, все тут в курсе, коллектив-то маленький. Одна я без понятия, что ношу рога.

— Кем она работает? — уточняю.

— Бухгалтером.

Бухгалтером? Офигеть. Вообще-то, я тоже бухгалтер.

— А где Елена Игоревна? Ну, полненькая такая, шатенка в летах.

— Она ушла на пенсию, — поясняет Славик. — Вот и взяли Аллу. Она тут уже три месяца.

Стою и в прямом смысле обтекаю. Прямо дни откровений! Вместо того чтобы взять на работу меня, когда Елена Игоревна ушла на пенсию, он взял стороннего человека, а не меня! Хотя... вполне возможно, Алла появилась тут не просто так, и их отношения завязались еще до этого.

Ну Егор, ну судак на букву м! Это сколько ж времени он крутил с ней за моей спиной, а мне рассказывал, как у нас все будет замечательно? Выходит, у Аллочки есть работа, будут декретные, наверняка есть и где жить, а меня и сына пинком под зад из своей жизни и квартиры?

Я поджимаю губы и топаю в сторону его кабинета.

Дергаю на себя дверь и захожу внутрь.

Муж привстает со своего кожаного кресла и даже рот приоткрывает от удивления.

— Арина? — прокашливается. — Что ты тут делаешь? Зачем пришла?

Глава 5. Султан местного масштаба

Арина

— Зачем пришла? — закипаю я. — Я твоя жена, вообще-то.

— Я уже сказал, мы разводимся. Станешь умолять меня вернуться? — подбоченивается Егор. — Сразу скажу, не выйдет.

Что?! Умолять? Это я к нему ни за что не вернусь, даже если он будет умолять на коленях! Меня аж передергивает от этой мысли, дыхание перехватывает.

Смотрю на Егора, сузив веки. Если бы взгляд бил током, муж бы уже дергался в предсмертных конвульсиях. Но нет, стоит себе, ухмыляется.

Султан недоделанный! Судя по напыщенной позе и самоуверенности, считает себя неотразимым. Верит, что я стану за него сражаться с соперницей.

Хрена с два. Пусть Аллочка забирает его себе с потрохами. Мне такой предатель сто лет в обед не сдался после всего, что сделал. Такое нельзя ни простить, ни забыть.

Это его любовнице пока невдомек, что Егор поступит с ней так же, как со мной. Ничего, жизнь научит.

Выдыхаю, напоминаю себе, зачем я здесь, и начинаю мысленно считать до десяти. Я хочу все обсудить, вот и пообщаемся с ним как взрослые люди. Хотя бы попытаемся.

— Егор, я пришла не за этим. Давай завершим отношения по-человечески.

Муж приподнимает брови, а затем хмыкает:

— Вот как? Ну давай.

— Если хочешь, чтобы я съехала, помоги с деньгами на первое время и на квартиру. Алименты и дни, когда будешь видаться с Мишей, можем согласовать чуть позже.

— Я так и знал, — повышает тон Егор, злобно скалится, — что тебе от меня только деньги и нужны! А сама что, ни на что не способна? Собралась жить за счет алиментов?

— Я ищу работу, ты ведь в курсе! И что значит жить за счет алиментов? — охаю я, округляя глаза. — Миша твой сын! Ты записан как его отец! И по закону должен платить алименты!

— Я тебе ни копейки не должен! — взрывается Егор. — Вы и так столько лет шикавали за мой счет!

— Шиковали?

Нашу жизнь нельзя назвать шиком. Практически все деньги Егора уходили на бизнес. Я даже подрабатывала на дому в декрете, чтобы не полностью зависеть от мужа.

— Разве не так? Жили как у Христа за пазухой, горя не знали!

Ага, наверное, именно потому все разговоры о том, что мне или Мише нужно что-то более-менее дорогостоящее, частенько заканчивались плохим настроением Егора. Он сетовал, что приходится выдергивать деньги из бизнеса. В ито-

ге я старалась беспокоить его по минимуму, еще и поддерживала, понимая, что он и так много работает. Все с одной целью: чтобы в будущем перестать экономить каждую копейку. Однако это будущее ждет не меня — Аллу.

— Зачем ты вообще на мне женился? Зачем согласился стать отцом Миши, если мы тебе не нужны? — шепчу одними губами.

— Вот только не вздумай рыдать и виноватить меня. Не выйдет, — звереет Егор. — Я столько для вас сделал, а ты мне тут истерики закатываешь!

— Егор! — всплескиваю руками. — Так и я старалась не меньше. Или, по твоему мнению, у меня под рукой всегда была волшебная палочка, и все делалось само собой?

— Старалась она, — возмущенно шипит Егор. — То рубашка плохо отглажена, то суп пересолен, то Миша истерит вместо того, чтобы спать, как положено. И сама хороша! Я тебя какую брал?

— Какую?

— Красивую! А сейчас что? — машет он рукой на меня.

— А что сейчас? — недоумеваю я.

Да, поправилась на два килограмма, но разве это много?

— Взять хотя бы прическу! Вечно с этой своей прилизанной гулькой на голове ходишь, а раньше красиво распускала волосы, — выплевывает муж.

— Хожу, да. Убирать и готовить с распущенными почти до пояса волосами — так себе удовольствие. И Миша очень

любит мои волосы, ты сам знаешь. Играет с ними, мусолит и дергает. И вообще, когда мы куда-то ходим, я всегда с прической. Егор, — заканчиваю на выдохе, — ты сам говорил, что тебе все нравится!

Муж цокает, а меня словно обухом по голове ударяет. С чего я вообще оправдываюсь? Очевидно ведь: что ни скажу, у Егора найдется чем меня уколоть. И все это вовсе не потому, что я плохая хозяйка или жена. Повод другой: оправдать измену и то, как нечеловечески жестоко поступил со мной и Мишей. И продолжает в том же духе.

Если до этого я еще надеялась, что муж передумает, все поймет и хоть как-то поможет, теперь надежда умерла окончательно.

— Ты нас вообще любил? — морщусь от невыразимой боли, что разрывает изнутри на части.

Егор молчит. Молчит слишком долго, лишь с шумом раздувает ноздри и сверлит меня сердитым взглядом.

— Я заеду сегодня, — говорю, так и не дождавшись его ответа, — соберу свои и Мишины вещи.

— Нет уж, — бросает муж. — Скинешь эсэмэской адрес, я отправлю. А то еще, чего доброго, прихватишь что-нибудь лишнее. Я, вообще-то, на все зарабатывал сам — потом и кровью.

Меня начинает трясти. Каждое слово мужа бьет наотмашь.

Сердце щемит, сдавливают так, что мне не хватает возду-

ха, и я прикладываю максимум усилий, чтобы не разрыдаться перед этим королем козлов.

Он все сам. Конечно же, сам. Я вообще, оказывается, не при делах. Еще в воровки записал.

— И что такого ценного я могла бы прихватить из твоей квартиры? — спрашиваю надтреснутым голосом.

Егор выставляет вперед руку и открывает рот, чтобы начать перечислять, однако тут же его закрывает.

Я даже подвисяю на секунду. Это что такое было? Решил не подавать мне идей? Побоялся, что воспользуюсь?

— Знаешь что? — в сердцах бросаю я. — Ценное в твоей квартире было только одно — мой сын! И он со мной.

— Так я и поверил, — цинично усмехается Егор. — Вижу, что-то задумала. Можешь не стараться, я уже сменил замки. Если собираешься манипулировать мной и вымогать деньги с помощью сына, то мне проще вообще с ним больше не общаться и не видеться!

Я делаю шаг назад, ощущая, как начинают дрожать колени. Мотаю головой, не веря в то, что слышу. Кто передо мной? Не муж. Не тот человек, за которого я выходила замуж.

Этого Егора, который готов отказаться от сына, которого растил с рождения, лишь бы не давать мне ни копейки, я совсем не знаю и знать не хочу.

В ушах раздается дикий звон, и я прикрываю веки, морщась.

— Я все поняла. Пиши отказ от родительских прав, Мерзлов. Пришлешь вместе с вещами.

Разворачиваюсь и вылетаю из его кабинета.

Глава 6. На дне

Арина

Я сижу на троллейбусной остановке, глядя на людей, что торопливо выходят и заходят в транспорт. А вот мне торопиться некуда. Работы нет, дома теперь тоже.

Тело снова пробивает крупная нервная дрожь, и я прикусываю губу.

В голове до сих пор оглушительным колоколом звенят злые, обидные слова Егора. Если он правда верит в то, что говорил, почему жил со мной? Зачем?

Внутри зияющая пустота, и кошки на душе скребут так отчаянно, что хочется утробно завывать вместе с ними.

Я смахиваю слезу, что сама собой катится по щеке, и всхлипываю. Вот вам и счастливый брак, общие цели и планы на будущее. Когда муж успел превратиться в такое чудовище? Не стал ведь он им в одночасье.

«Встретишь хорошего мужчину, дочка, — вспоминаю слова мамы, — держись за него, старайся быть хорошей женой».

И я была. Я так старалась! Да, пусть у нас с самого начала не было бешеных чувств и горящего до неба огня страсти, так я именно это и ценила. Знаю, как быстро тухнет такой огонь — так же быстро, как вспыхивает. Хватило мне Львова — вот уж где полыхало так, что я потом долго собирала себя

по кусочкам после его предательства.

Верила: с Егором все будет по-другому. Всегда акцентировала внимание лишь на хорошем в нем, закрывала глаза на недостатки, ведь людей без них не бывает, и муж не исключение.

Искренне убеждала себя, что Егор не скупой, а бережливый. Не чересчур расчетливый, а дальновидный. Не вспыльчивый, а эмоциональный. И так далее и тому подобное.

Теперь его поведение и поступки видятся мне совсем в ином свете. Без прикрас и розовых очков. Какая же я дурища...

Ему даже не хватило духу сказать мне правду. Сколько бы еще я пребывала в неведении, не поймай их с поличным? Когда Егор собирался сообщить, что хочет развода? Сказать, что разлюбил?

Неужели это все лишь потому, что не родила ему родного ребенка? Так я ведь не виновата. Сама не понимаю, что не так: врачи никаких отклонений не нашли.

Или дело в чем-то другом?

Я мотаю головой из стороны в сторону. Нет уж, самобиечения мне точно никак не помогут. Тем более это не я так подло изменила, привела в дом любовника и пнула мужа с ребенком пинком под зад.

Боже, что я скажу Мише? Он ведь так беззаветно любит папу...

И куда я с ним пойду сегодня вечером, когда заберу из

детского сада?

Из подруг у меня осталась только Галя, да и то — после нашего разговора какая она мне подруга? Разве подруги так поступают?

Впервые в жизни ситуация кажется мне безвыходной. Если уж люди, которых считала самыми близкими, от меня отвернулись, то на кого вообще надеяться и рассчитывать?

Как там говорят: иногда нужно опуститься на самое дно, чтобы оттолкнуться от него и снова подняться.

Я вскидываю голову, смотрю на небо сквозь полупрозрачный купол остановки, кричу про себя: «Я уже там, на дне! Куда уж хуже?»

Ощущаю вибрацию мобильного в кармане, достаю его, снимаю трубку и через несколько минут опускаю руку, издавая нервный смешок.

Нужен очередной взнос в садик, куда ходит Миша. Не такой уж большой, в три тысячи, но сейчас и эта сумма кажется мне непосильной. Кроме этого, воспитательница сына сообщила, что у него порвалась сменная обувь, а значит, нужна новая. Снова минус от и без того скромной суммы, что лежит на моей карте.

Я открываю мобильный банк и гипнотизирую счет. С деньгами настолько негусто, что хочется плакать.

Так, ладно, Арина, соберись. Жалеть себя — занятие, конечно, увлекательное, но ты не одна, у тебя сын.

Попрошу отдать взнос попозже, и тогда денег должно хва-

тить на комнату в квартире на месяц. Наберу еще подработок, найду работу. Выкарабкаюсь.

Вспоминаю, что когда училась в университете, девчонки часто снимали комнаты у бабулек. Порой жили в одной комнате вдвоем, а в соседней — хозяйка.

Главное, чтобы нашлась такая бабулька, которая пустит к себе с ребенком. Им ведь в пожилом возрасте хочется тишины и покоя — того, на что нельзя рассчитывать, когда растишь четырехлетнего сына с почти бесконечной батареейкой.

Я встаю с лавочки и бреду к рекламным стендам. Конечно, самовольная расклейка объявлений запрещена, но кого и когда это останавливало?

В результате отрываю несколько номеров с вариантами комнат и начинаю прозванивать по порядку.

Вскоре оказывается, что девушка и ребенок действительно не те квартиранты, которых готовы принять с распростертыми объятиями: мне отказали все. «Будь сын постарше, хотя бы лет семи...» — заявила одна из женщин.

Ну да, вот сейчас достану из кармана портативную машину времени, перенесусь на несколько лет вперед и тогда перезвоню.

Я комкаю все оторванные номера в плотный шарик и бросаю в урну.

Решаю поискать в интернете. И снова отказ за отказом. Или на том конце провода оказываются агентства, которые, разумеется, уверяют, что быстро найдут подходящий вари-

ант. Вот только за свои услуги они просят столько же, сколько стоит сама комната, а таких денег у меня нет.

— Черт! — в сердцах бросаю через некоторое время.

Мало мне текущих проблем, так еще и телефон разрядился в самый неподходящий момент.

И что мне теперь делать? Вот уж точно, дошла до дна.

Я понуро опускаю голову и вдруг слышу удивленный женский голос откуда-то сбоку:

— Солнцева, ты, что ли?

Глава 7. Оттолкнуться и всплыть

Арина

Солнцева? Это моя девичья фамилия, и меня давно так никто не называл, потому что я взяла фамилию Егора, когда вышла за него замуж.

Я медленно поворачиваю голову в сторону голоса и замечаю... одноклассницу из университета — Лену Седову. Сто лет не виделись. Мы хорошо общались, но после четвертого курса она ушла в академический отпуск, уехала в другой город и окончательно пропала с радаров.

— Я, — выпрямляю спину, встаю и подхожу к ней. — Привет, Лен.

— Ты ни капельки не изменилась, — вскидывает брови Седова и улыбается. — Все такая же красивая и... рыжая.

Ну, что есть то есть. Рыжие волосы у меня от папы.

Сердце снова болезненно сжимается, потому что в памяти всплывает Егор. Мы лежим на кровати, он подпирает голову одной рукой, а второй нежно перебирает мои волосы и шепчет на ухо: «Мое личное рыжее солнышко. Люблю тебя, Арин». А потом щекочет меня, и мы вдвоем заливаемся счастливым смехом.

Я мотаю головой, чтобы стряхнуть воспоминание.

— Спасибо. Ты тоже не изменилась, разве что волосы теперь каштановые. Все так же экспериментируешь с цветом?

— улыбаюсь в ответ. — Я думала, ты уехала в другой город.
— Вернулась, — пожимает плечами Седова. — Как ты?
Как дела?

Я мнусь, поджимая губы. Тут парой слов не отделаешься, да и надо ли оно ей?

— Сама как? — перевожу тему.

— Да так... — морщится Лена.

И тут я подмечаю в ее руке бумажки. Такие же, что висят на рекламном стенде, — с номером телефона, который можно оторвать.

Она следит за моим взглядом, поясняет, немного смущаясь:

— Хочу сдать комнату. Сама понимаешь, денег всегда не хватает.

— Да ладно? А я как раз ищу комнату.

Мы смотрим друг на друга, и я вздыхаю:

— Хотя, наверное, тебя не устроит квартирант в моем лице.

— Почему? — удивляется Лена. — Ты вроде не отличалась буйным нравом в универе.

— Я не одна. У меня сын четырех лет.

Она хихикает:

— Не поверишь, и у меня сын. Правда, ему пять. Так что это вообще не проблема, наоборот, будут друг друга развлекать.

Пульс сразу ускоряется. Неужели это знак и мне все-таки

повезет?

— Я так и вовсе буду рада, — добавляет она. — Я уже пару недель никак не могу найти квартиранта. Все-таки ребенок, я осторожничаю.

Лена рассказывает, где квартира, называет цену. Сумма как раз та, на которую я и рассчитывала. Оказывается, она живет все там же, где и раньше, когда училась в университете. Я бывала у нее в гостях.

— Ну так что, по рукам? — спрашивает она, и я киваю. — Как удачно я тебя встретила!

Вот тут я полностью согласна. Свезло так свезло. Мне однозначно больше, чем Лене.

Настроение сразу поднимается. Мы дожидаемся нужную маршрутку и едем к ней.

В квартире все оказывается ровно так, как я и запомнила, даже ремонт тот же.

Большой просторный зал, вторая комната — поменьше, и средних размеров кухня.

В комнате, которую Лена сдает, есть все необходимое. Диван, рабочий стол со стулом, шкаф. Больше нам с Мишей и не нужно.

— Ну как?

— Меня все устраивает, Лен. Можно заселиться уже сегодня?

— Конечно. Ну, раз ты согласна, пойдем отметим это дело? — играет бровями Лена. — Чаем, конечно.

И мы устраиваемся на кухне. Оказывается, она в разводе. Муж бросил, ушел к другой, с сыном поначалу изредка общался, но теперь совсем исчез.

М-да. Вот уж точно, подруги по несчастью. Притянулись как магнитом.

Делюсь своей ситуацией, и Лена хмурится, бросает в сердцах:

— Вот кобелина! Ой, извини.

— Да ладно, — машу рукой, — из песни слов не выкинешь.

— В универе вообще другой был. Никогда бы не подумала...

— Я тоже, — хмыкаю.

Лена смотрит на часы.

— Ладно, давай потом договорим? Мне пора в садик за Лешкой.

— И мне тоже.

Она отдает мне вторые ключи, и мы выходим из квартиры.

Через час я с Мишей спешу на остановку, объясняю ему, что мы с ним проживем в другом месте.

— А как же папа? — хмурит бровки сын.

Я смотрю в его чистые глаза, и сердце пропускает удар. Я попросту не решаюсь сразу сказать правду: что папа нас бросил, выгнал из дома и больше не хочет видеть.

— Папа не может, Миш. Зато, — переключаю его внимание, — я познакомлю тебя кое с кем. У тебя будет новый

друг, его зовут Леша.

— Клуто! Я покажу ему свою новую машинку.

Ага, вот только для начала надо скинуть Егору наш новый адрес, чтобы прислал вещи, среди которых и эта пресловутая игрушка.

— Конечно покажешь. Ну что, поехали?

И сын кивает.

По пути я отправляю мужу сообщение с адресом, прошу отправить вещи как можно скорее. Что мне, что Мише не во что даже переодеться. Да и мой ноутбук, с которого я работаю, тоже остался дома.

Вскоре мы с сыном заходим в наш новый дом.

Лена уже там, встречает, вытирая руки о кухонное полотенце.

— Привет, — наклоняется она к Мише, скидывает брови в изумлении и покашливает, мельком глядя на меня. — Я Лена. А ты?

— Миша, — смущается сын, прячется за мои ноги.

— Очень приятно, Миша. Ле-о-ош, — кричит она в глубину квартиры. — Иди познакомься.

Через пару минут мальчишки уже обсуждают какую-то новую игрушку Леша и убегают в зал.

— Я тут уже готовлю, — кивает в сторону кухни Лена. — Будете есть?

И желудок отзывается голодным урчанием.

— Я поняла, — улыбается Лена.

Мы заходим на кухню, по которой плывет знакомый с детства аромат жареной картошки. Подруга перемешивает ее, а затем разворачивается и буравит меня пристальным взглядом.

— Арин, а Миша не сын Егора, что ли? У меня глаза на лоб полезли, когда его увидела.

— Почему? — спрашиваю, хотя ответ мне не нужен: Миша — вылитая копия своего биологического отца, Артема Львова.

Лена прекрасно его знает. Сложно не знать, ведь Львов был звездой универа. Горячий, спортивный, успешный, уверенный в себе. Одним словом, лидер. За ним шли, к нему прислушивались. Каждая студентка мечтала стать его девушкой.

— Сама не верю в то, что сейчас скажу, — хмыкает Лена, — но... Мишин отец случайно не Львов?

— Он, — вздыхаю я.

— Офигеть! — всплескивает руками она, бухается на табуретку напротив. — Вот это новости! Арин, как так?

Я прекрасно понимаю, почему она так удивлена: мы со Львовым ненавидели друг друга до конца третьего курса. Он цеплял меня без всякого повода, и я избегала его как могла. Безуспешно. Единственная из всех не велась на его статус, не мечтала стать его девушкой.

Все изменилось на последнем курсе.

Глава 8. Поставщик неприятностей

Девять лет назад

Арина

Я до сих пор помню, как приезжаю в город ранним рейсом и впервые вхожу в университет, в котором собираюсь учиться.

Здесь даже дышится легче. Большое светлое здание влюбляет меня в себя с первого взгляда. Оно таит в себе кучу возможностей, обещает новую жизнь. Лучшую.

Поступлю — смогу жить в общежитии. Пусть там тесно, общие души, туалеты и кухня, зато — свобода! Больше не нужно будет скользить по дому тенью, терпеть очередного маминого ухажера и ее недовольство. Чувствовать себя лишней.

Я беру памятку для абитуриентов, узнаю, как проходит процедура поступления и, полная надежд, возвращаюсь домой, чтобы поделиться с мамой.

— Пф, — качает головой та, изучив брошюры, — на эконом собралась поступать?

— Да, — сглатываю я. — Я ведь говорила. Что не так?

— Там конкурс бешеный, не пройдешь.

— Пройду, — упрямо заявляю я.

Однако права оказывается мама.

В тот момент, когда мы с ней вместе приезжаем в универ-

ситет и подходим к стенду со списками поступивших, сердце ухаает вниз, а из глаз брызгают слезы: я не обнаруживаю себя в этом списке. Чтобы пройти, мне не хватило не пять, не три и даже не два — всего одного балла. Одного!

Мать полосует меня хлестким взглядом и цедит сквозь зубы:

— Бестолочь! Я же говорила! Зачем только целый день потратила на эту поездку... Поехали домой.

Говорит это при всех, кто стоит у стенда. И я, сгорая от стыда, тащусь за ней, опустив плечи.

Когда мы возвращаемся домой, мама усаживает меня за стол на кухне и садится напротив, скрестив руки на груди.

Поджимает губы и шурится. Молча.

Проходит минута, идет вторая, а она все еще молчит. Как и всю дорогу обратно в наш небольшой городок.

Я сжимаюсь в комочек, опустив взгляд в пол. Мамина попытка молчанием всегда давила на меня еще сильнее, чем ее крики. Когда она орет, я хотя бы знаю, в чем провинилась в очередной раз, но когда игнорирует — схожу с ума, изрядно себя накручивая. Что не так? Отсутствие ответа изводит, зудит под кожей.

— Я ведь говорила, поступай в колледж или техникум у нас, чем плохо? Все так живут, — наконец-то подает голос мама. — Нет, ей в большой город захотелось, в университет.

Захотелось. Всегда хотелось. От фразы «все так живут» сводит зубы.

Я страстно, дико, безудержно мечтаю вырваться из опостылевшего маленького городка, вдохнуть полной грудью.

Не хочу видеть постоянно одни и те же лица, не желаю выходить замуж за соседского Кольку в неизменной тельняшке только потому, что других вариантов все равно нет, а он пьет не так часто, как остальные, и вообще, совершил подвиг: принес букет ромашек, которые сорвал на ближайшей клумбе. Не хочу отбывать на ненавистной работе с девяти до шести, сводя концы с концами. Не хочу перебивать косточки соседям или пялиться в телек вечерами, ведь больше тут все равно нечего делать.

Слезы катятся из глаз сами собой, и я всхлипываю.

— Я всегда об этом мечтала, мам, ты же знаешь. Больше всего на свете! — в сердцах бросаю я.

— Больше всего на свете, значит? Мечтала? — как-то странно смотрит на меня мама.

— Да, — глухо шепчу я и окончательно расклеиваюсь.

Мечты на лучшую жизнь рушатся на моих глазах, рассыпаются с оглушительным треском, раня изнутри.

Неужели мне и правда придется всю жизнь прожить здесь? Я мотаю головой в полном отчаянии, слезы так и струятся по щекам безудержным потоком.

— Хватит реветь, — бурчит мама, — слезами горю не поможешь.

И снова давящая тишина. Мы сидим так минут десять, и все это время мама беспрестанно хмурится и о чем-то раз-

мышляет. Я не решаюсь не то что сказать хоть слово, но даже встать, чтобы не усугубить ее и без того плохое настроение.

Затем она тяжело вздыхает, лезет в карман за телефоном и сосредоточенно что-то изучает там несколько минут.

— Значит, так, — выдает вскоре. — Ты ведь знаешь, что дом твоего отца — твое наследство.

— Знаю, — киваю я.

Дом уже старенький, совсем небольшой, и мы давным-давно перебрались оттуда, когда маме от работы досталась двушка в старом фонде. Этот дом используем как дачу и огород.

— Сама знаешь, если продать этот дом, много за него не выручить, — хмыкает мама, — да и цену придется изрядно сбросить, чтобы получить деньги как можно быстрее.

Я в недоумении смотрю на нее, не понимая, к чему она ведет.

— Ну что ты вылупилась на меня? — цокает мама. — Я глянула, заплатить за первый год обучения хватит.

Сердце екает, а глаза округляются до размера тех больших чайных блюдец, что стоят у нас в шкафу. Неужели это правда то, о чем я подумала?

— В общем, решай. Если хочешь, продам твой дом, поступишь на договор.

— Я хочу! — излишне громко и эмоционально восклицаю я.

— Нечего так бурно радоваться, — фыркает мама, — я

ведь сказала: этих денег хватит только на оплату одного года. Если после первого курса не сумеешь перепоступить на бюджет, крутись как хочешь.

— Я перепоступлю, мам, — не веря в свалившееся на меня счастье, отзываюсь я.

Это не шанс. Это шансище! И я его ни за что не профукаю. Да, дом отца — единственное, что от него осталось, но он наверняка хотел бы для меня лучшей жизни. Здесь она меня не ждет.

Слава богу, покупатель на дом находится быстро, и я успеваю подать документы на договорную форму обучения в последний день приема заявок.

Не хожу, а порхаю, летаю. Даже мамино бурчание больше не мучит так, как обычно, я пропускаю его мимо ушей, зная, что это скоро закончится.

После первого года обучения пересдам все нужные экзамены и перейду на бюджет. Главное, впитывать материал, не прогуливать и не вступать в неприятности.

Вот только первая неприятность случается до обидного быстро.

Причем в самый первый учебный день.

Уж не знаю, каким было первое сентября у остальных, а у меня... никому не пожелаю.

Тридцать первого августа я заселяюсь в общежитие, знакомлюсь с соседками по комнате. Мне везет, девчонки тоже

нацелены на учебу, кроме одной — Карины. Ох, чую, она еще попьет нашей крови...

Я подготавливаю одежду на утро, бережно складываю в рюкзак все нужные принадлежности. С таким нетерпением жду следующего дня!

Подумать только, я студентка экономического факультета.

А к вечеру у меня так дико начинает болеть живот, что я не знаю, на какую стену лезть от боли. В итоге все оканчивается вызовом скорой и срочной операцией — аппендицит. Да еще и с осложнениями.

Я пропускаю первые три недели обучения, и вместо того, чтобы спокойно восстанавливаться, смачно виню себя все то время, что лежу в больнице. Еще и мама подливает масла в огонь: «Ну вот, не успела поступить, уже не ходишь на занятия. Не видать тебе второго курса, как своих ушей!»

Ничего, я все наверстаю. Я готова вгрызаться в гранит науки так, что он рассыплется песком, лишь бы не возвращаться домой.

Однако на лекции я попадаю только двадцать первого сентября.

Приди я в университет со всеми одноклассниками первого числа, наверное, не тряслась бы так сейчас. Сразу бы волилась в коллектив наравне со всеми.

Теперь мне тревожно и неудобно, но делать нечего, я поднимаюсь на нужный этаж и спешу к расписанию, чтобы по-

смотреть, в какой аудитории будет первое занятие.

325Б.

Интересно, это направо или налево?

Я в нерешительности кручу головой, и вдруг позади меня раздается глубокий бас:

— Заблудилась?

Я оборачиваюсь и вижу перед собой высокого красивого темноволосого парня, что нависает надо мной мощной горой. Чуть позади стоят еще трое. Как свита. Сразу понятно, что лидер именно он.

Мускулистые руки и пресс незнакомца обтянуты белой футболкой, а взгляд темно-серых со стальным блеском глаз полон превосходства и уверенности в себе.

Он осматривает меня как лошадь на рынке, останавливаясь на груди, и по его лицу скользит усмешка.

От него пахнет чем-то хвойным, с нотками мускуса, и... неприятностями.

— Помочь? — в упор смотрит на меня он, припирая к расписанию.

В ушах сразу раздается резкий голос матери: «Смотри мне, никаких гулянок, никаких парней и прочих глупостей. Попробуй только куда-нибудь вляпаться! Помни, что будет, если не сможешь перейти на бюджет».

А я интуитивно чувствую, что этот парень как раз из серии «вляпаться». Поставщик неприятностей.

Резко качаю головой.

— Нет, спасибо.

— Хм, — изгибает бровь он, тянет ко мне руку, и я резко отпрыгиваю назад под дружные смешки всех парней. — Недотрога, значит? Интересно...

Сердце замирает. Э нет, вызывать интерес такого, как он, я точно не намерена.

Спешно делаю пару шажков в сторону и спешу скрыться за углом, в коридоре. Слышу позади себя свист и громогласный голос незнакомца:

— Далеко не сбежишь!

Молюсь про себя, чтобы больше с ним не встретиться.

Нахожу нужную аудиторию, занимаю место за свободной партой и знакомлюсь с одноклассниками, пока не пришел преподаватель.

В тот момент, когда раздается звонок, внутрь вваливается там самая четверка.

Блин, он мой одноклассник, что ли? Вот свезло так свезло.

— Львов, опять опаздываешь? — недовольно смотрит на опоздавших преподаватель. — Еще раз, и в аудиторию не пушу. Поставлю пропуск.

А тому хоть бы хны, и бровью не ведет. Смотрит на преподавателя, едва заметно кивая, и вдруг замечает меня.

Секунда, и на его лице сверкает хищная улыбка. Такая многообещающая, что я шумно сглатываю. Внутри все замирает. Немигающим взглядом смотрю, как он проходит мимо

и садится прямо позади меня.

Глава 9. Ты не в моем вкусе

Девять лет назад

Арина

Всю лекцию мою спину и затылок жжет от ощущения пристального взгляда Львова. Далась я ему...

Я передергиваю плечами, кошусь вправо и замечаю еще один взгляд с прищуром — от ухоженной красивой платиновой блондинки, что сидит в третьем ряду. Она явно недовольна. И я как-то сразу понимаю, чем именно. Либо имеет виды на Львова сама, либо уже с ним встречается и видит во мне конкурентку.

Ну что же мне так везет-то, а? Никакая я ей не конкурентка. Я просто хочу спокойно ходить на лекции!

Мы с таким, как Львов, не пара.

Я ведь видела его одежду, часы на запястье. Он мажор чистой воды, наверняка родился с золотой ложкой во рту. Он может и вовсе не учиться — заплатит за сессию, и готово. Мне платить нечем, да и незачем — я пришла за знаниями.

А учитывая его внешность и повадки, я уверена: он меняет девушек как перчатки. У таких, как он, одна забава: поиграть и бросить.

Нет, мне это совсем не нужно. А Львов... Уверена, его интерес погаснет так же быстро, как вспыхнул.

Ошибиться еще сильнее я не могла.

После лекций, когда иду к общежитию, слышу за собой уже знакомый басовитый оклик:

— Солнцева, стой.

О как, уже и фамилию мою вызнал. Впрочем, я и сама на одной из перемен узнала, как его зовут: Артем.

За три недели, пока меня не было, он уже успел сходить на свидание с двумя девчонками из других групп и останавливаться явно не собирается. Что ж, что и требовалось доказать. Становиться третьей у меня нет никакого желания.

— Посидим в кафе? — с ходу предлагает Львов, улыбается обаятельно. За ним все так же стоят трое одноклассников, что и у расписания. Они вообще ходят по отдельности?

— Нет, — бросаю коротко.

— Тогда в кино?

— Нет.

— В парк?

— Не хочу.

— В клуб?

— Нет! — начинаю злиться я. — Я с тобой никуда не пойду, Артем. Прибереги свой пыл для тех, кому это нужно.

— А тебе не нужно, что ли?

— Не нужно.

— Это тебе так кажется. Ты передумаешь.

Вот неугомонный тип! Что бы такого сказать, чтобы точно отстал? Ответ рождается сам собой.

— Не передумаю. Ты не в моем вкусе, — припечатываю я,

разворачиваюсь и ухожу, успевая заметить, как он мрачнеет, а его лицо вытягивается.

А за его спиной раздаются смешки его свиты.

Разумеется, я лукавлю: он очень даже в моем вкусе, но только внешне. И ему об этом лучше не знать.

Я скрываюсь за поворотом, лелея надежду, что он все понял и отстанет.

Но нет, еще несколько раз он пытается меня очаровать, пригласить куда-то. Мой ответ остается прежним.

И это задевает его куда сильнее, чем я думала.

Следующие несколько месяцев я старательно его игнорирую, а он целенаправленно меня изводит. И чем больше игнорирую, тем больше изводит.

Подговорить своих друзей стащить мои конспекты — легко. Незаметно подкрасться ко мне в столовой, чтобы я вылила на себя стакан чая, — еще легче.

Как-то раз Львов и вовсе приносит в универ и подкидывает в мой рюкзак огромного паука. Пушистого такого, с длинными мохнатыми лапками. Я обнаруживаю его на перемене, и мой визг слышат, наверное, во всем университете.

Разумеется, Артем с приподнятой бровью сообщает, что никакого отношения к этому не имеет. И вообще, это обычный птицеед, как он успел заметить, чего я так ору.

Паука забирает и выносит из аудитории Егор Мерзлов. Вроде и учимся в одной группе, а до этого толком и не разговаривали, так, на уровне «привет — пока». Затем он под-

ходит ко мне, смотрит с сочувствием:

— Арин, не обращай внимания на этого придурка.

— Спасибо, — всхлипываю я.

С тех пор мы отлично общаемся, но грань дружбы не пересееаем.

Пиком, когда я не выдерживаю и взрываюсь из-за выходок Львова, становится другая ситуация: в конце первого полугодия он подставляет меня по учебе.

— Арина, — останавливает меня в коридоре после очередной лекции.

— Чего тебе, Артем?

— Не хочешь сходить на вечеринку? Никулин собирает всех у себя в эту субботу.

— Нет, спасибо.

— Что, спешишь готовить доклад по модели Леонтьева?

— В смысле? — хмурю лоб я. — Макрушин говорил о системах линейных уравнений.

— Так ты, наверное, рано вышла из аудитории. Он заметил тему.

— Спасибо, я поняла.

Надо же, помог ненароком. Вот уж не ожидала.

Однако когда я приношу доклад, оказывается, что никакой замены темы не было.

«Господи, какая я балда!» — костерю себя на все лады, краснея перед преподавателем. Как можно было так легко поверить Львову и не уточнить у кого-то из наших?

Я получаю неуд. И ладно бы у другого препода, но Макрушин — чистый зверь. По рассказам старшекурсников, он будто испытывает удовольствие, когда валит студентов на экзамене. А уж если студент до этого исхитрился получить неуд — и вовсе пиши пропало. Пересдача обеспечена. И то, как Макрушин посмотрел на меня при сдаче доклада... Запомнил. Отложил в память.

Мне так нужны хорошие оценки и репутация, я так стараюсь, не сплю ночами, пропадаю в библиотеке, а Львов легким взмахом руки все усложнил.

Когда выхожу из кабинета Макрушина, из глаз брызгают злые слезы.

За что Артем так со мной? Что я ему сделала? Почему никак не отстанет?

Как нарочно, натываюсь на него на улице рядом с университетом, куда иду, чтобы купить хлеба. И в кои-то веки он без своей бессменной свиты.

— Какая же ты сволочь! — не выдерживаю я, бросаю в сердцах, подлетая к нему. — Это уже слишком! За что ты так меня ненавидишь, а? Что я тебе сделала?

— В смысле? Ты о чем, Солнцева?

— Не надо делать вид, что не понимаешь. Я про Макрушина. Он поставил мне неуд и теперь наверняка отправит на пересдачу на экзамене!

— А-а, ты об этом, — ухмыляется он. — Я могу легко решить эту проблему. Разумеется, не просто так. За свидание.

Очень хорошее свидание.

И такой у него при этих словах красноречивый взгляд... Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, что именно он подразумевает под словом «хороший». Так бы сразу и сказал: свидание в горизонтальной плоскости.

Меня начинает потряхивать от злости.

— Так вот зачем ты это все задумал?! Тебе самому не мерзко? Я ни за что и никогда не пойду с тобой ни на какое хорошее свидание! У меня тут, считай, жизнь на кону, а тебе все смешно!

— Это просто экзамен, Арина, — хмурит брови он. — Какая жизнь на кону?

— Это для тебя просто экзамен! — разъяренно бросаю я. — Если завалю сессию, если не перейду на бюджет после первого года, то все, плакало мое обучение в университете.

Глаза влажнеют сами собой, а Артем меняется в лице, резко перестает улыбаться.

— Я не думал... — начинает он, но я гневно его обрываю:

— Конечно не думал! Ты вообще ни о ком, кроме себя, не думаешь.

Я огибаю его и мчусь вперед, а когда оборачиваюсь назад перед тем, как свернуть за угол, обнаруживаю, что Львов все так же стоит на месте и задумчиво смотрит мне вслед.

После этого он наконец-то оставляет меня в покое. Ну, как в покое. Начинается период холодной войны, полной презрительных и полных ненависти взглядов.

И если бы в тот момент мне кто-то сказал, что я все-таки пойду со Львовым на свидание и более того — у нас будут отношения, я бы покрутила пальцем у виска.

Глава 10. Лед тронулся

Шесть лет назад

Арина

Я стою в мастерской по ремонту компьютерной техники.

Со слезами на глазах слушаю безжалостный приговор мастера, которому принесла свой старенький ноут:

— Девушка, тут без вариантов починить. Я вообще не понимаю, как он у вас проработал столько времени.

Как-как, чудом, блин. Я и без мастера знаю, что ноутбук древний, дышит на ладан, но другого-то у меня нет! Я и на этот копила без малого почти год, писала курсовые студентам, подрабатывала промоутером, расклеивала объявления.

Ноутбук верой и правдой прослужил мне почти два года и... перестал включаться в самый ответственный момент: когда на нем осталась и моя собственная курсовая, и еще три работы для других студентов. А сдавать это все, между прочим, уже через несколько дней.

Что я скажу преподавателю и тем, кто заказал мне курсовые? Простите-извините, не виноватая я? Ох, чую, не проникнутся они моими проблемами. Да и какая обо мне пойдет молва между студентами? После такого мне перестанут заказывать работы, а я на эти деньги, между прочим, рассчитываю. Без них станет совсем туго.

— Я, конечно, могу попытаться достать информацию с

жесткого диска.

И только я успеваю улыбнуться с надеждой, как мастер добавляет:

— Но ввиду срочности это будет стоить...

Он называет сумму, от которой у меня округляются глаза, а надежда с громким хлопком испаряется в мгновение ока.

Даже если бы я уже получила деньги за курсовые, что хранятся в памяти почившего ноутбука, их все равно и близко не хватило бы.

Просить у мамы? Так у нее тоже нет: она не так давно перебралась с Лорой сюда, взяла ипотеку, и все средства уходят на платежи.

— Спасибо, — глухим голосом отвечаю я, забираю ноутбук и выхожу на улицу.

Решаю попытать счастья в других мастерских, поблизости, однако вердикт остается таким же: чинить моего старичка в срочном порядке либо и вовсе не берутся, либо просят сумму, которой у меня нет.

Я несолоно хлебавши возвращаюсь к университету, присаживаюсь на лавочку неподалеку от здания и бездумным взглядом провожаю снующих туда-сюда студентов.

Дует настолько промозглый ветер, что я хлюпаю носом и кутаюсь в шарф, засовываю руки в карманы пальто, чтобы хоть немного их согреть.

— Солнцева, чего приуныла? — раздается сбоку знакомый голос.

Львов собственной персоной. И как обычно, по фамилии. Ни разу за несколько лет не обратился ко мне по имени.

— Ничего, — бурчу.

Что ему нужно? Позлорадствует, и только.

— Ты не умеешь врать, — привычно усмехается он и бухается на скамейку рядом. Да так близко, что я поджимаю губы и отодвигаюсь к самому краю. От него пахнет его бесменным ароматом духов с нотками кедра и мускуса.

— Артем, иди куда шел, — прошу по-человечески. — Тебя наверняка заждались друзья.

— Не заждались, — качает головой Львов. — Я видел, как ты выходила из салона по ремонту техники. Что-то сломалось?

Мне чудится участие в его голосе. Его что, кто-то стукнул по голове? Не иначе.

Участие и Львов, как по мне, вещи несовместимые.

— Ну так? — напирает он.

— Ноутбук сдох, а там важная информация и курсовые, надо достать, — отвечаю, лишь бы отстал. — Ладно, я пойду.

Встаю с места, но не успеваю сделать и пары шагов, как Артем заявляет:

— Хочешь, гляну?

Я разворачиваюсь и приподнимаю брови в изумлении:

— С каких это пор ты заделался компьютерным гением?

— Да так, — пожимает плечами он, — интересуюсь еще со школы. Кое-какие навыки имеются.

Смотрю на него и пытаюсь понять: он это серьезно? Хотя чего тут думать — даже если так, заплатить ему мне все равно нечем. А оставаться должной Львову — такое себе удовольствие.

— Посмотреть или нет? — серьезнеет Артем.

— Мне нечем тебе заплатить, — качаю головой.

— Можешь не платить, — хмыкает Львов. Оглядывает сверху вниз, задерживая взгляд на моем стареньком зеленом пальто. На его лице четко читается: один фиг с тебя, Солнцева, взять нечего.

— С чего вдруг такая любезность, Артем? — задаю вертящийся на языке вопрос.

— Ты же моя одноклассница, а своим надо помога... — он не договаривает, наталкиваясь на мой скептический взгляд. Пожимает плечами: — Вечер свободный, только и всего.

Свободный вечер? У Львова? А как же тусовки, гулянки, свидания и так далее? Смотрю на него и не верю своим ушам. Тут точно какой-то подвох, но какой?

Пока я гадаю, что бы ответить, Артем начинает злиться:

— Давай думай быстрее, холодно тут. Надо или нет?

— Надо, — в конце концов решаюсь я.

— Тогда поехали, — встает со скамейки Артем.

— Куда? — опешив, хлопаю ресницами.

— Как куда, ко мне.

— Зачем к тебе? — напрягаюсь я.

— Тебе что, мозг выдуло ветром? — приподнимает брови

Львов. — Ты же сама согласилась.

— Так я думала, ты посмотришь ноутбук у меня в общении, — развожу руками.

— Посмотреть могу, — кивает. — И если у тебя есть в комнате нужная аппаратура, еще и информацию достану. Но сдается мне, у тебя ее нет, так?

— Так.

— Тогда поехали туда, где она есть. Ко мне.

Я мнусь. Так вот в чем был его план: заманить меня к себе, а там... А там что угодно. Может, и вовсе, все его дружки. И кто его знает, что у них на уме. И я что, сама добровольно к нему поеду? Да ни за какие коврижки!

— Не поеду, — мотаю головой. Невольно делаю шаг назад.

Артем хмурится в недоумении.

— Солнцева, что на тебя нашло? — хмыкает он, сверлит меня взглядом и через несколько секунд расплывается в понимающей улыбке: — Боишься меня, что ли?

— Вот еще! — задираю подбородок я.

Артем делает шаг ко мне, и я отпрыгиваю назад.

— Боишься, — утверждает с усмешкой. — Ладно тебе, можешь не переживать. У меня дома мать и двоюродная сестра, так что ничего с тобой не случится.

Я молчу. Вдруг врет?

— Слушай, — вдруг раздраженно бросает Артем, — чего я тебя уговариваю, а? Это ж не мне нужно — тебе. Не хо-

чешь, не надо.

Он разворачивается, засовывает руки в карманы модных джинсов и уходит, а я переминаюсь с ноги на ногу, хмуря брови и кусая губы.

Ехать к нему мне хочется меньше всего на свете, но я вспоминаю, что на кону.

— Артем, стой! — кричу ему вслед и спешу вперед.

Глава 11. «Недалекий мажор»

Шесть лет назад

Арина

Я сижу на диване в просторной комнате Артема, отделанной под стиль лофт, и оторопело наблюдаю, как он колдует над моим ноутбуком. И делает это так сноровисто и четко, что я сразу догадываюсь: знатно приврал, когда сказал, что просто интересуется компьютерной техникой, — он явно в этом соображает.

— Окончательно сдох, — выносит вердикт моему ноутбуку Львов спустя какое-то время и тут же добавляет, видя, как начинает дрожать мой подбородок: — Информацию достану, только это не быстро. Может, тебе пока телик включить? — кивает на огромную плазму на стене.

— Не надо, спасибо, — качаю головой, сложив руки перед собой на коленях.

Он-то у себя дома, выглядит уверенным и расслабленным, зато я чувствую себя максимально скованно и неудобно. Мало того, что у Артема дома, так он еще то и дело скользит по мне пробирающим до нутра взглядом.

— Можно я посмотрю? — киваю на полки с фотками в рамках и какими-то грамотами и статуэтками.

Может, это не его? Как-то не вяжется у меня Львов и вот это вот все.

— Смотри, — пожимает плечами он.

Я встаю с дивана и вскоре выпадаю в осадок от увиденного. Беру в руки и рассматриваю красивые тяжелые кубки за первые места в соревнованиях по боксу. Он еще и боксер? Впрочем, чему я удивляюсь — такие мускулы, как у него, не берутся из воздуха.

Затем натыкаюсь на грамоту за участие в олимпиаде по математике. На диплом победителя школьной олимпиады по информатике. Тут столько всевозможных грамот, что я невольно приоткрываю рот.

Будто мало этого, на соседних полках красуется литература по экономике и смежным дисциплинам. Причем такая, которую мы и не изучаем. Там сплошь новые издания и зарубежные авторы. Окончательно меня добивают многочисленные закладки в этих книгах. Видно, они стоят тут не просто для красоты.

Стоя полубоком, я в недоумении пялюсь на Артема. Весь его образ недалекого мажора, который я нарисовала себе еще с первого курса, разительно отличается от того, что я вижу в его комнате.

Для того чтобы получить все эти грамоты, чтобы прочитать всю эту литературу, надо проводить немало времени за учебой. Да что там, засыпать с книжками.

Я издаю нервный смешок, пытаюсь представить, как Артем дрыхнет в обнимку с учебником. Ничего не выходит. Мне гораздо проще нарисовать другую картинку: как он ло-

жится в кровать с очередной красоткой, которых за время учебы у него было столько, что и не счесть.

Впрочем, и в универе Львов при всех своих гуляках умудряется сдавать сессии без хвостов. Вот только я думала, просто платит. Выходит, нет?

— Когда ты успеваешь учиться? — срывается с моих губ вопрос.

— В смысле? — отвлекается от ноутбука Артем.

— Ты же постоянно на тусовках допоздна... — продолжаю несмело.

— Кто тебе сказал?

— Ну... все говорят.

— Ты всегда веришь слухам? — со смешком отзывается Львов, и я краснею.

Вот уж о ком, а об Артеме слухов, и правда, полно. Что ни день, то какая-нибудь новая сплетня.

Я снова отворачиваюсь к полкам и подмечаю странную деталь: на всех фотографиях он только с мамой, с которой я уже успела познакомиться. Высокая, красивая блондинка лет сорока с небольшим. Внешне у них ничего общего с Артемом.

— А почему на фотках нет папы? — интересуюсь.

— Я рос без отца, — глухо отвечает Артем, всем своим видом показывая, что я лезу не в свое дело.

— Извини, — шепчу я и возвращаюсь на диван. Выходит, у нас с ним есть кое-что общее: оба росли без пап.

Сижу тихонечко, чтобы опять не ляпнуть что попало.

Снова украдкой смотрю на этого парня-загадку, задаваясь вопросом: какой же ты на самом деле, Львов? И если действительно такой башковитый, то почему ведешь себя, как последний кретин? Особенно в отношении меня.

Я вижу, что Артем окончательно отвлекается на мой ноутбук, выдыхаю и откидываюсь на спинку дивана. О-о, как же удобно. Это вам не скрипучая кровать в общежитии.

Резко вздрагиваю от ощущения того, что по моему лицу что-то скользит. Показалось, что ли? Открываю глаза и вижу нависающего надо мной Артема. Он слишком близко.

Я и рада бы отодвинуться, да некуда — я прижата к спинке дивана.

— Солнцева, ты заснула, — усмехается он и выпрямляется.

Я? Да ну. Не могла я тут уснуть. Или могла? И если могла, чего Львов так ухмыляется? Может, я храпела? О-о-о...

— Который час? — хлопаю ресницами и трясую головой.

— Почти полночь.

— Сколько?! — Я округляю глаза и резко вскакиваю с дивана.

— Я говорил, это не быстро, — разводит руками Артем.
— Информацию я достал, кстати. Держи.

Он протягивает мне аж три флешки.

— Ого! — восклицаю я, улыбаюсь искренне: — Спасибо тебе большое! А почему так много?

— Скинул все, что удалось восстановить. В том числе фотки, — многозначительно добавляет Артем.

И такая у него хитрая улыбка, что сердце начинает бешено стучать и я заливаюсь краской. Он видел мои фотографии, и к гадалке не ходи. А там есть кадры, которые я бы ни за что никогда не стала показывать, особенно Львову. Нет, ничего запрещенного, конечно, мы просто дурачились с девчонками.

Кроме того, там куча моих фоток в купальнике. Как представлю, что Артем таращился на них, пока я тут спала... И ладно бы просто таращился, но это же Львов! Вдруг догадается как-нибудь их использовать против меня?

Вот ни разу не удивлюсь, если вскоре увижу эти фотки на доске с расписанием в универе. Или еще где. С него станется. Он и так весь вечер вел себя тише воды ниже травы — ни одного подкола или обидной шуточки. Вдруг на этом лимит его доброты исчерпан?

Блин, Арина, ты балда, это ж надо было отрубиться!

— Поехали, отвезу тебя в общагу, — кивает к выходу из комнаты Артем.

— Ага, — бурчу я. — Спасибо.

Я бы и рада добраться сама, но он живет далековато, и времени уже столько, что общественный транспорт не ходит.

Придется ехать с ним.

Спросить, что ли, смотрел ли он фотографии? Или не спрашивать?

— Ты смотрел мои фотки? — в итоге тараторю, пока не передумала.

— Нет конечно, — как-то слишком быстро отвечает Артем. — Больно надо.

Ну, так я и думала. Однако предъявить ему мне все равно нечего — и так помог. Считай, спас. Остается надеяться, что Львов просто на них поглазел, и только. Успокаиваю себя: в конце концов, что он, девчонок в купальниках не видел, что ли?

По дороге в общежитие я даже не пытаюсь с ним разговаривать, отворачиваюсь к окну и делаю вид, что дремлю.

Вскоре Артем останавливается в переулке у универа, глушит мотор.

— Дальше никак, какой-то олень припарковался так, что не проехать. Давай пешком провожу.

Ага, щас. У нас в такое время много кто не спит. Засекут со Львовым, поползут ненужные слухи. Дружки Артема проходу мне не дадут, как и девчонки, которые страстно мечтают с ним замутить. Оно мне надо? Оно мне не надо.

— Не надо, — торопливо мотаю я головой. — Ты и так на меня весь вечер потратил. Тут через дворы быстро пройти, я сама. Спасибо еще раз, что помог. Ну, я пошла.

Я не дожидаясь его ответа, выскальзываю из машины и спешу к своему общежитию.

Когда до ворот университета остается совсем ничего, вдруг слышу за спиной вкрадчивый мужской голос:

— Эй, красотка, куда спешишь?

Оборачиваюсь и столбенею, глядя, как на меня надвигаются четыре молодых крепких парня.

Их взгляды и ехидные улыбки в свете ночных фонарей весьма красноречиво намекают на то, что им нужно совсем не поговорить.

Двое из них обходят меня сбоку, берут в кольцо, и я в ужасе пачусь. В этот момент больше всего на свете жалею, что отказалась, чтобы меня проводил Артем.

Глава 12. Арина

Шесть лет назад

Арина

Сердце заходится в бешеном ритме и с такой силой бьется о грудную клетку, словно намеревается выпрыгнуть.

Страх сковывает внутренности, мешает дышать, и меня начинает трясти.

Вот это я попала... Как назло, вокруг ни души.

— Давай мы тебя проводим, — скалится тот же парень со щербатым лицом.

— Не надо! — отчаянно машу я головой из стороны в сторону. Делаю шаг назад, но один из тех, что зашел за мою спину, снова подталкивает меня вперед — чуть ли не в объятия к первому.

Тот тянет ко мне свои лапищи, хватает за локоть и тащит в сторону. Совсем не в ту, куда мне надо.

— Отпусти! — пишу я на ультразвуке, кричу: — А-а-а! Помогите!

— Не ори, хуже будет. — Напускное добродушие сходит с его лица, и он сжимает мою руку с такой силой, что я невольно вскрикиваю, а из глаз брызгают слезы.

— Ты оглох? Не слышал, что сказала девушка? — внезапно раздается сбоку тихий, но зловещий голос. Голос Артема.
— Отпусти ее.

Я выпрямляю спину. Словами не описать, как я сейчас рада своему недругу. Все-таки пошел за мной!

— А то что? — злорадствует щербатый парень со смешком, и остальные вторят ему.

Артем не отвечает. Подходит ближе и хмуро обводит оценивающим взглядом парней, которые переглядываются между собой с четким ощущением собственного превосходства. Еще бы — их четверо, а Львов один.

По его взгляду я догадываюсь, что и Артем это понимает. Однако в следующую секунду он подлетает к первому бугаю и одним ударом в живот заставляет того сложиться пополам.

Его кулак снова взлетает, и второй, что стоит рядом, падает как подкошенный.

Те двое, что за мной, вылетают вперед с криками:

— Ах ты гнида!

И бросаются на Артема с двух сторон.

Я отскакиваю назад, дрожащими руками лезу в сумку, лихорадочно ищу сотовый. Нужно звонить в полицию. Как назло, под руку попадается что угодно, только не телефон. Наконец я нащупываю его, достаю и стону вслух. Сел.

Поднимаю взгляд и вижу, что силы не на стороне Львова. Первый бугай успевает прийти в себя, за ним и второй, и они вчетвером окружают Артема.

Это только в фильмах злодеи смиренно дожидаются, пока герой уложит каждого из них по отдельности, а в жизни... В

жизни все иначе. Парни один за другим бьют Львова, и тот не успевает среагировать сразу на всех.

Я вижу, как дергается его голова, когда кулак одного из нападающих врезается в его скулу.

Ужас холодными, скользкими пальцами обхватывает горло. Господи, они же его убьют! Следом еще один удар от второго, уже в корпус Артема. Он сгибается, но ему удастся устоять на ногах и даже врезать одному из парней.

Я в панике соображаю, что делать. Кричать? Хрен кто выйдет, это как пить дать. В такие моменты «никого нет дома» и «моя хата с краю».

И телефон сел.

Стоп. Нападающие ведь этого не знают.

Я прикладываю телефон к уху и истошно кричу — так, чтобы они услышали:

— Алло, полиция? Тут на парня напали, приезжайте срочно! Адрес? Улица...

Щербатый выпрямляется, злобно глядя на меня, сплевывает на землю и многообещающе цедит сквозь зубы:

— Сучка! Я тебя запомнил. Мы еще встретимся. — Кивает своим: — Валим.

Он снова поворачивается к Артему, который трясет головой, и с такой силой пихает его вперед, что тот падает.

Парни исчезают за углом ближайшего дома, пока я делаю вид, что общаюсь с полицией. Я сразу подлетаю к Артему, опускаюсь рядом и заглядываю ему в лицо.

— Арина, ты как? — хрипит Львов, приподнимаясь на локте.

Из носа и уголка его рта течет кровь, один глаз заплыл, и он морщится от боли. И при этом интересуется, как я?

— Норм-мально, — отзываюсь. Зубы начинают стучать, и вовсе не от холода. — Ты сам как?

— Жить буду, — мрачно бросает Артем. — Ты что, звала полицию?

— Нет, — качаю головой, — телефон сел. Я только при-творилась, что звоню.

— А ты молодец, не растерялась, — хмыкает Львов.

— Зачем ты полез в драку? — в сердцах кидаю я, пропуская мимо ушей его похвалу. Помогаю ему подняться. — Их же было боль..!

Львов мерит меня таким взглядом, что я затыкаюсь на полуслове.

— Извини. Спасибо, — шепчу я на выдохе. — Спасибо, что пошел за мной, что вступился. Пойдем в общежитие, я обработаю твое лицо.

Это меньшее, что я могу для него сделать.

— Не надо, — пытается отказаться Львов, пытается рукавом куртки вытереть кровь с губ.

— Еще как надо, — возражаю я и цепляюсь за его локоть, всем своим видом показывая, что не отступлю. — Пойдем.

И мы идем к университету. Артем старательно делает вид, что все нормально. Но я ведь подмечаю, как сводит брови,

как кривит лицо, и чувствую укол вины.

Это из-за меня ему досталось. Может, пойдя мы вместе изначально, те парни не рискнули бы нападать. Или нет. Теперь уж не узнать.

Но Артем заступился. За меня! За ту, которую изводил столько лет. Хотя не хуже меня изначально оценил, что, как бы хорошо ни боксировал, не выстоит один против четверых крепких парней. Гораздо проще лезть в драку, зная, что выйдешь из нее победителем. А когда знаешь обратное и все равно лезешь... За это я благодарна Львову еще больше.

И только когда мы подходим к общежитию, до меня доходит кое-что еще: сегодня впервые за все время обучения Артем назвал меня не по фамилии, как обычно, а по имени.

Глава 13. Спор

Арина

— В общем, мы с Артемом в ту ночь до утра разговаривали на кухне, а потом как-то все закрутилось и понеслось, — развожу руками я, глядя на Лену. — Первое свидание. Поначалу я согласилась из чувства благодарности. Он все-таки меня спас, нехило получил, еще долго ходил с синяками. Как оказалось, там и печени досталось, и почкам. Но все равно ведь полез меня защищать.

— Ага. А за первым свиданием было и второе, и третье и так далее?

— Ну да.

— И все было хорошо, как я понимаю? — уточняет Лена.

— Было. Отлично было, — вздыхаю я. — Я втрескалась в него как последняя идиотка. Мы мечтали вместе уехать в столицу, жить тоже вместе. Все вместе...

— Но расстались?

— Расстались. В день вручения дипломов, — мрачною.

— Почему?

— Я... В общем, он мне просто врал, Лен, — сглатываю ком в горле и прикрываю веки.

— В смысле? Зачем?

— За день до вручения дипломов я вышла из общаги, чтобы сдать учебники, столкнулась с Егором. Ну, и пошли вме-

сте. Не успели завернуть за угол универа, как услышали знакомые голоса. Так и замерли, чтобы не выдать себя. Там стояли Артем, Кирилл, Леха и Игорь. Это из тех, чьи голоса я узнала. И обсуждали они... меня.

Я снова погружаюсь в прошлое. Столько времени прошло, а вспоминать об этом до сих пор больно.

— Ну что, завтра собираемся у меня, как планировали? — спрашивает Кирилл.

— Ага. Кстати, времени осталось меньше суток, Тёмыч, а Солнцева так и не призналась тебе в любви, — заявляет Леха. — Чую, ты продумаешь наш спор.

Я столбенею, перевожу потрясенный взгляд на Егора, что стоит рядом.

Спор? Какой еще спор? Егор хмурится, поддерживающим жестом сжимает мою ладонь.

— Не призналась, — отзывается Артем хмуро.

Внутри все холодеет. О чем они вообще? Что происходит?

И я ведь действительно не призналась Артему в любви. Вчера, когда мы с ним лежали в одной кровати, Артем и сам впервые сказал, что любит меня. А я... не успела. В тот момент, когда открыла рот, зазвонил его телефон. Он ответил и сразу сорвался домой. Какие-то проблемы у мамы.

— А я тебе говорил, не выгорит. Она крепкий орешек, — скептически хмыкает Игорь. — Зря столько времени на нее убил.

«Времени... убил...» — злым эхом отдаются в ушах его

слова.

— Надо было выбирать другую девчонку для спора. Не Солнцеву. У нее по ходу нет сердца. Ну, или ты не так уж хорош, как думаешь, — язвительно ржет Леха. — В общем, готовь бабки, Львов, ты проиграл.

Неужели это то, о чем я думаю? Артем был со мной только из-за глупого спора? И все, что говорил мне, наглое вранье? Все, о чем мы мечтали вместе, тоже ложь?

Губы начинают дрожать, и я перевожу на Егора полный слез взгляд.

Он поджигает губы, и на его скулах начинают ходить желваки. Он сжимает руки в кулаки и собирается сделать шаг вперед, но я его останавливаю, качая головой.

О чем говорить с теми, кто способен на такую дикую подлость, кто так легко, без тени сомнений, играет чувствами других людей? Они и говорить не станут, нападут все вместе, и только. А я сейчас и вовсе не смогу смотреть Артему в глаза. Не сдержусь, разрыдаюсь на глазах у этих подонков. Им на радость. Нет уж, не доставлю им такого удовольствия.

— Когда ты скажешь Арине, что это был просто спор? — уточняет Кирилл. — Завтра, когда будут вручать дипломы? Как и собирался?

Как и собирался? Это что же, Артем планирует так унижить меня перед всеми одноклассниками? Сказать при всех, что я всего лишь предмет спора? Что он был со мной только потому, что заключил пари?

— Да, я поговорю с ней завтра, — добивает меня Артем.

Своими словами он со всего размаха всаживает в мое сердце острый нож и медленно крутит, чтобы было максимально больно.

О-о-о... Я больше не выдерживаю, всхлипываю и мчусь обратно к общежитию.

Егор не спешит за мной, остается там.

Он находит меня в моей комнате сидящей на кровати, всю в слезах, через полчаса. Меня трясет, и все, что я могу, лишь раз за разом повторять, какая же Львов сволочь. Как он мог?!

— Арин, мне очень жаль. — Егор обнимает меня, и я рыдаю у него на плече.

Мне невероятно стыдно, что он тоже стал свидетелем этого всего. Стыдно, ведь Мерзлов предупреждал меня изначально, просил быть осторожнее с Артемом, не доверял ему. Я лишь отмахивалась. Считала, что Львов честный, верный и преданный.

Ага, преданный, как бы не так. Предатель, вот кто он.

Как он мог так со мной поступить? У него вообще есть сердце?

— Ты прости, что я не сразу пошел за тобой, — сипло говорит Егор. — Решил остаться и дослушать. Хотел тебя обезопасить, вдруг Львов придумал что-то еще, чтобы навредить тебе посильнее.

— И что там? — затаив дыхание, спрашиваю я.

Глупое сердце робко пропускает удар. Во мне все еще теп-

лится надежда, что это какая-то ошибка. Что сейчас Егор скажет, что я все не так поняла. Но нет.

— Ты уверена, что хочешь знать? Наверное, не надо, — качает головой Егор.

— Рассказывай уж, — настаиваю я.

— В общем, мы все верно поняли. Артем поспорил с друзьями на тебя. На деньги! — яростно стучит кулаком по кровати Егор. — На то, что ты признаешься ему в любви до вручения дипломов. Но если бы только это...

— Что еще? — вытягивается мое лицо.

— Хорошо, что ты ушла. У меня даже язык не повернется это все повторить дословно. Львов выкладывал подробности, как вы с ним... это... ну, ты поняла. Сказал даже, что пару раз снимал все на скрытую камеру. И друзьям своим обещал показать после того, как прилюдно тебя унизит. Сказал: «Пусть Солнцева знает свое место. Как она вообще могла подумать, что я люблю ее?»

К лицу приливает кровь, и я стону вслух, закрывая лицо ладонями.

Господи, какой позор... Неужели Артем и правда покажет видео своим друзьям?

Как, ну как я могла довериться ему? Влюбилась, не слушала никого вокруг... А он, оказывается, лишь играл. Не любил и никогда не полюбит. О-о-о...

«Пусть знает свое место», — крутятся в голове едкие, разъедающие душу слова.

— Арина, — осторожно убирает ладони с моего лица Егор, смотрит на меня пристально. — Я не позволю Львову так с тобой поступить завтра, унижить при всех. Я все обдумал, и у меня есть план.

— К-какой план? — Мой голос срывается. — Я думала просто не пойти на вручение. Заберу диплом чуть позже, в деканате, и все.

Егор приподнимает бровь и раздраженно хмыкает:

— Тогда Львов придумает что-то еще, как ты не понимаешь? Но мы уже не будем знать, что именно. Ты этого хочешь?

— Нет, — рьяно мотаю головой, прикусывая губу и болезненно морщась.

Егор прав: Артем может найти другой способ меня уязвить, и побольнее. Например, когда пойдем с одгруппниками отмечать получение дипломов. Что, и туда не идти? Или подловит еще как-то. И сколько мне от него бегать, вздрагивать, бояться наткнуться на него и его компанию за углом?

Изнутри поднимается дикая злость на Артема. Почему я вообще должна от него бегать?

— Рассказывай свой план, — заявляю решительно и прищуриваюсь.

И чем дольше говорит Егор, тем больше открывается мой рот.

— Ты уверен, что это хорошая идея? — с сомнением ин-

тересуюсь я после того, как он умолкает.

— У тебя есть получше?

— Нет. Ты правда готов пойти на это?

— Правда. Ты же знаешь, что я всегда готов тебе помочь и поддержать, — печально усмехается он.

— Знаю. Только я не уверена, что Артем адекватно отреагирует на такое... Вдруг еще кинется на тебя?

— Главное, чтобы ты не сдрейфила в последний момент, а за меня не переживай. В общем, думай.

И я задумываюсь. В голове такая мешанина из мыслей, что ничего более дельного в голову все равно не приходит. Одно я понимаю предельно ясно: Артем будет зверски уязвлен. И зол.

Тут же осаждаю сама себя. Арина, почему ты вообще переживаешь о том, как почувствует себя Львов? Он вот вообще ни капельки не задумался, каково будет тебе. Использовал как вещь.

— Я согласна, — выдаю в итоге.

— Тогда я зайду за тобой завтра, в универ пойдем вместе. Если хочешь, давай мне свои учебники, сдам за тебя, чтоб ты не наткнулась на Львова.

— Хорошо. Спасибо тебе, Егор.

Он забирает учебники и оставляет меня одну, а я пустым взглядом обвожу комнату и обнимаю себя за колени, прижимая их к груди. Соседки уже получили свои дипломы и съехали пару дней назад, так что комната в моем полном рас-

поряжении. Я так хотела провести сегодняшний вечер с Артемом, а теперь...

Мне настолько тошно и больно, что хочется лезть на стенку.

В памяти то и дело вспыхивают обрывки воспоминаний об Артеме. И каждое из них насквозь пропитано фальшью. Каждое гребаное воспоминание!

Я замираю и вздрагиваю только от входящего звонка. Артем.

Зачем он звонит? Чтобы продолжить играть в свою изощренную игру? И что делать мне? Ответить? Нет, нельзя, я могу ненароком сорваться, или он что-то почувствует. В итоге решаю просто его игнорировать.

Я должна собраться и действовать по плану. Но как тут собраться, если я чувствую, будто взрываюсь и распадаюсь на сотни маленьких осколков?

Снова реву и в итоге забываюсь беспокойным сном. Просыпаюсь в темноте от стука в дверь, ничего не соображая.

— Арина, ты тут? — слышу голос Артема.

Только собираюсь вскочить и ответить, как на сонную меня бешеным цунами обрушивается все то, что случилось сегодня днем. Я столбенею и молчу.

Артем стучит еще несколько раз, но в конце концов уходит.

А следующим утром я со стоном разочарования смотрю в зеркало на свое опухшее от слез лицо. Ну нет, в таком виде

заявляться в универ нельзя.

В ход идут пакетики с чаем и негустой набор косметики.

— Так-то лучше, — киваю себе в зеркале через пару часов и вместе с Егором спешу к университету. Так волнуюсь, что начинают дрожать руки.

— Все получится, — подбадривает меня он.

Мы подходим к одноклассникам, которые скучковались в большом фойе на этаже нашего факультета.

Только бы Львов и компания явились до того, как придут из деканата.

Время идет, и я волнуюсь все больше, постоянно дергаюсь и смотрю в сторону коридора.

— Давай ты отвернешься, а смотреть буду я? — предлагает Егор. — Скажу тебе, когда пора.

— Давай.

Уже через несколько минут Егор шепчет мне на ухо:

— Идут!

И прижимает меня к себе максимально близко. Кладет руки на талию, а я обнимаю его за шею и старательно тяну улыбку, гадая, что происходит за моей спиной.

Мельком подмечаю озадаченные взгляды некоторых одноклассников — они переводят их с нас с Мерзловым в сторону коридора и обратно. Ну да, ну да, все ведь знают, что я встречаюсь со Львовым, а тут вдруг обнимаюсь с Егором так, словно мы пара.

И вдруг Егор берет и накрывает мои губы поцелуем. Я ед-

ва не отпрыгиваю, потому что этого в нашем плане не было. Останавливаю себя лишь усилием воли. Сгорел сарай, гори и хата, что уж тут...

Внезапно я чувствую, как меня резко дергают за руку.

Артем. Он поворачивает меня к себе, стоит с перекошенным лицом и цедит сквозь зубы:

— Арина? Какого хрена тут происходит?!

Сердце екает, стонет, но я упрямо поджимаю губы и громко заявляю:

— Что тебе непонятно? Я с Егором, а между нами все кончено. Я тебя не люблю.

И отворачиваюсь.

Артем открывает рот, но так и не успевает ничего сказать, потому что появляются сотрудники деканата и сам декан.

Начинается суматоха и вручение дипломов. И все то время, что я стою там в ожидании своего диплома, не рискуя даже смотреть в сторону компании Львова и его самого, ощущаю на себе прожигающий душу взгляд Артема.

Что ж, с чего начали, тем и закончили.

Глава 14. Курьер

Арина

— Офиге-е-еть, — тянет Лена и бросает в сердцах: — Ну Львов, ну урод! Но честно сказать, я не удивлена, это вполне в его стиле. Вот Егор — другое дело. Он же в тебя втрескался с первого курса, ждал, когда ответишь взаимностью. И вот так поступить... Что вообще в голове у этих мужиков? Ай, ну их в баню, все козлы!

Она вдруг ведет носом и резко подскакивает с табуретки, несется к плите.

— Твою ж мать, подгорело! — сетует, выключая плиту.

Пока она перемешивает картошку, я сдавленно всхлипываю. Мой рассказ всколыхнул все то, что я так тщательно старалась забыть.

Воспоминания отзываются острой болью, а в груди огромная черная дыра, в которой целый коктейль из злости, боли, жгучей обиды и отчаяния. Меня затягивает в нее все сильнее, а взгляд застилает пеленой из-за появившихся в уголках глаз соленых слез.

Предательство Львова до сих пор ранит, но измена Егора добивает меня окончательно. Я-то думала, муж меня любит, не предаст, как говорил несколько лет назад. Защитит, успокоит ноющее сердце. А он вместо этого от души потоптался по нему ногами, раздавил безжалостно. Предатель! Такой

же, как и Львов.

«Я всегда буду рядом», — вспоминаю данное Егором обещание.

Вот только его «всегда» продлилось до обидного мало.

— Слушай, — смотрит на меня Лена, прищурившись, — так Львов не в курсе, что у него есть ребенок от тебя?

— Не-а, — качаю головой. — Хотя я хотела сказать. Посчитала, что он должен знать. Только к тому моменту, когда узнала о беременности, он уже уехал из города и сменил номер телефона. Страницы в соцсетях и те удалил. Я даже попыталась связаться с ним через Кирилла. Он единственный из всей компании относился ко мне более-менее, если помнишь.

— Ага, помню.

— Так вот, я приехала к нему, и он при мне написал сообщение Львову, что я хочу с ним поговорить, что это очень важно. Вот только Артем наотрез отказался. Сказал, чтобы я не лезла в его жизнь и нам не о чем с ним говорить. Ну и все. Тогда я решила, что это знак. Значит, не стоило ему знать о сыне.

— Во дела-а... М-да.

— Угу. Ладно, что уж теперь, все в прошлом. Главное — с ним не пересекаться.

— Так он же уехал из города?

— Вернулся, — хмыкаю я. — Сама узнала буквально вчера, когда пришла на собеседование в одну компанию. Он ее

владелец.

— Ни фиги себе! — округляет глаза Лена. — Наверное, ему помогла мама, дала денег на бизнес.

— Нет, — качаю головой. — У них начались проблемы с финансами как раз, когда мы начали встречаться. Его мать встряла в какую-то неприятную ситуацию, и им пришлось сменить жилье на скромную квартиру, продать машины и так далее. От их уровня жизни к концу нашей учебы мало что осталось. В общем, Артему пришлось начинать с нуля.

Горло сковывает болезненным спазмом. То, что Львов вернулся в город, а еще богат и влиятелен, пугает меня до дрожи.

А я ведь и правда хотела сообщить ему о ребенке, несмотря на то, как гадко он со мной поступил. Все вспоминала его слова об отцах и детях, которые врезались в память навсегда.

Как-то вечером мы смотрели фильм, где девушка скрыла ребенка от его отца, потому что они расстались по-плохому. Мужчина узнал о сыне лишь спустя шесть лет. О, как Артем бушевал!

«Разве так можно? Отец имеет право знать. Она должна была сказать! Да я б ее за такое!.. — Он помолчал и добавил уже спокойнее: — Папа ушел от нас, когда мне было три года, Арин. Я знаю, каково это — расти без отца. И сделаю все, чтобы мой ребенок никогда этого не узнал».

Я и сама росла без отца, так что разделяла его чувства. И даже если те его слова были очередной сказкой для доверчи-

вой Арины, решила, что он должен знать. Пусть мы не вместе, но лишать ребенка отца из-за наших не сложившихся отношений я не хотела.

Он сам не пожелал узнать. И винить ему в случае чего некого, кроме себя.

Хотя он стопроцентно обвинит меня. Мол, надо было рыть землю носом, но найти его. Ага, мне тогда как раз было до поисков, когда я с животом сбивалась с ног в поисках подработок — про работу уж вообще молчу. Это потом уже сошлась с Егором, и мы начали жить вместе.

Теперь меня пугает то, что из города уезжал вчерашний студент Артем с пустым кошельком, но с большими целями и амбициями. С которым я могла бы потягаться в случае чего.

А вот вернулся сюда уже успешный бизнесмен, Артем Германович. И что у него на уме — одному богу известно.

Даже подумать страшно, что случится, если он когда-нибудь узнает о Мишке. С одной стороны, ему, может, и дела никакого не будет до того, что у него есть сын. С другой — а если будет? Вдруг решит отобрать или как-то наказать, что не сказала? Стопроцентно не поверит, что я не планировала скрывать.

Блин, почему все так сложно?

— Ну что, — отвлекает меня от мыслей Лена, — давайте ужинать?

— Давай.

Мы зовем сыновей из зала, и вскоре они радостно упле-

тают картошку так, что за ушами трещит. Я же уныло ковыряюсь вилкой в тарелке — аппетита совсем нет.

Ощущаю вибрацию мобильного в телефоне. Это один из клиентов, ИП которого я веду. Ему нужна информация, которой у меня сейчас и нет. Все данные на ноутбуке, что остался в квартире Егора.

Когда он пришлет курьера с вещами? Хоть бы сегодня...

Может, позвонить, поторопить? Ну нет, снова выльет на меня ушат коричневой субстанции. Не шоколада, естественно. А мне сегодня и так достаточно.

Когда мальчишки снова убегают в зал, а мы с Леной начинаем убирать со стола, раздается звонок в дверь.

Я выпрямляю спину в надежде, что это курьер. Тем более она сама говорит, что никого не ждет.

Спешу за подругой в коридор, чтобы посмотреть, кто там.

Когда она открывает дверь, вижу там... мужа собственной персоной. А рядом с ним пара чемоданов.

С чего это он решил привезти их лично? Сто процентов что-то задумал. Явно нехорошее — хорошего я от него уже не жду.

Пока я подбираю падающую челюсть, из зала раздается голос Леши:

— Мам, кто там?

И следом топот детских ног.

Э нет, этак Мишка выскочит за ним, увидит отца... А я понятия не имею, как отреагирует Егор, что наговорит сыну.

— Отвлеки их, — шепчу я Лене.

Молниеносно выскакиваю на площадку и захлопываю за собой дверь, оставаясь с мужем наедине.

Глава 15. По старой памяти

Арина

— Не понял... — цедит сквозь зубы Егор. — Чего это ты выскочила на площадку?

— Да нет, это я не поняла. Ты что, ждал, что приглашу войти? — прищуриваюсь.

Судя по выражению его лица, так и есть. Упасть не встать.

— Еще чего не хватало! — злюсь я, упираю руки в бока и заявляю Егору без экивоков: — Отдавай чемоданы и уходи.

Киваю в сторону лестницы, мол, выход там. Тянусь к ручке одного из чемоданов, но не тут-то было.

Муж загораживает их собой и хмурится:

— Вот ты как, значит, да?

— Как так, Егор? — обалдеваю я.

— Я к тебе по-доброму, сам все упаковал, сам привез, поделил время, которого у меня и так мало, а ты дверь перед моим носом закрываешь!

Я даже теряюсь на мгновение от того, как лихо муж строит из себя оскорбленную добродетель. Как будто запомывал, что успел наговорить мне за неполные сутки.

— Почему я вообще должна тебя пускать? — зловеще интересуюсь.

— Я так-то твой муж, — подбоченивается Егор.

И тут у меня в прямом смысле слова начинает дергаться

уголок губ.

— Сегодня утром ты об этом почему-то не вспоминал! Забыл, как поступил со мной и с сыном? — шиплю на него.

— Да ты, я смотрю, и не расстроилась особо! Вон, уже и квартиру нашла, и подругу пригласить успела. А меня, значит, не можешь?

— Какую подругу? — поначалу не понимаю я. — Ты про Лену, что ли?

— Да, — кивает Егор. — Я ее узнал, кстати.

— Ты идиот? — вспыхиваю я и поджимаю губы. — На что бы я, скажи на милость, сняла квартиру, если ты не дал мне не копейки денег? Это квартира Лены, и я с Мишей буду жить у нее, хотя...

Хочу добавить: «Хотя несколько часов назад вообще не знала, куда идти и где ночевать с сыном», но останавливаю себя на полуслове. Если Егор не дрогнув сердцем выпер меня из дома на ночь глядя, мои трудности не тронут его и сейчас.

— За языком следи! Вот вела бы ты себя нормально, — тем временем выпаливает муж, — я б, может, и помог.

В смысле? Это я, по его мнению, виновата?

— Нормально? Нормально?! — дыхание перехватывает. — Егор, ты о чем вообще?

Его слова звучат настолько абсурдно и нелепо, что я даже всматриваюсь в его лицо: может, он головой стукнулся? Или пьяный?

Веду носом, но нет, чувствую лишь привычный запах его

туалетной воды с нотками бергамота.

Муж разводит руками:

— Не начала бы выдвигать требования с порога, шантажировать, я б так не завелся! Сама виновата! И вообще, могла бы пригласить сейчас на ужин, поговорили бы как люди.

Я не выдерживаю и издаю нервный смешок.

— Что смешного я сказал? — сводит Егор брови к переносице.

— Ты совсем обалдел?

Лично у меня для мужа отныне в меню только ненависть, приправленная мышьяком. Или стрихнином. Или дихлофосом. Нет, лучше все вместе, и побольше.

— Пусть тебя твоя Аллочка кормит! — фыркаю я, подмечая, как Егор отводит взгляд в сторону. О как. Неужто в их раю уже нелады? Быстро, однако. — Ты сам отказался все обсудить, сказал, что хочешь развода, не желаешь знать меня и сына, а теперь требуешь ужин?!

— Мы и разведемся, — объясняет Егор как очевидный факт.

— Обязательно, — обрываю его я. — И вот это я готова обсудить. Здесь и сейчас. Выбери время на этой неделе, съездим в суд.

— Я не договорил, — жестко продолжает муж. — С Аллой у меня не все так просто, я... Потом объясню, пока не могу. В общем, мы с тобой разведемся, но я, так и быть, готов к тебе приезжать.

Егор весьма недвусмысленно смотрит на мою грудь, затем его взгляд опускается на мои ноги и снова поднимается на грудь. Он добавляет:

— Так сказать, по старой памяти.

Меня аж передергивает.

Я изумленно пялюсь на мужа и никак не могу поверить, что он это серьезно. Хочет поменять меня и свою драгоценную Аллочку местами? Думает, я на это соглашусь?

Силюсь и никак мне могу понять, на что Егор вообще рассчитывает и с какого перепуга успел настолько переобуться буквально за несколько часов. А еще говорят, у женщин нет логики. Э нет, если ее у кого и нет, так это у моего муженька.

— Ты охренел?! — рывкаю я, чувствуя, как меня начинает трясти от злости.

— Арина... — на глазах звереет муж, нависает надо мной, шумно дыша.

— Что Арина? — задираю подбородок я. — Вали к своей любовнице, а меня и сына оставь в покое! Готов он, так и быть. Благодетель хренов! Меня ты спросить не забыл?

— А чего спрашивать? — усмехается муж. — И так все понятно.

— Что именно?

— Что ты уже не первой свежести, еще и с ребенком. Ну кто тебе светит? Какой-нибудь альфонс, как у твоей матери, или подзаборный пьянчуга? А я готов помогать по мере возможности. Цени! На многое, конечно, не рассчитывай,

— поспешно добавляет он. — Сама подумай: тебе нужна помощь, одна ты точно не справишься. Да и Мишке нужен достойный мужчина перед глазами, чтоб было на кого равняться.

Я сжимаю зубы так сильно, что в ушах раздается противный скрип.

В этот момент очень жалею, что под рукой нет биты или, на худой конец, сковородки.

— Егор, и зачем тебе, — вкрадчиво уточняю я, — девушка не первой свежести, еще и с ребенком, а?

— Ну... — на миг теряется он, но быстро находится с ответом: — Мне-то ты не чужая. Я ведь тебя, в конце концов, люблю.

Я отшатываюсь от мужа, как от чумного. В ушах начинает стучать.

У него точно поехала крыша. Человек в здравом уме не может нести всю эту ересь с такой убежденностью.

— Любишь?! — хриплю на выдохе. — Егор...

— Ну?

— Ты прав. Мише действительно нужен достойный пример мужчины перед глазами.

Муж начинает тянуть губы в улыбке с победным видом, а я договариваю с чувством:

— Иди ты в жопу. Этот пример — точно не ты.

Глава 16. (Не) все равно

Арина

Я молниеносно разворачиваюсь к Егору спиной, дергаю на себя входную дверь и юркаю в квартиру так быстро, что он не успевает меня задержать.

Видимо, до сих пор переваривает то, что я сказала.

А нет, показалось.

Он стучит в дверь уже через несколько секунд. Да что там стучит — тарабанит.

Из-за закрытой двери в зал доносится звук музыки. Мысленно благодарю Лену — она все сразу поняла и отвлекает мальчиков как может.

— Открой, мы не договорили, — доносится до моих ушей резкий голос Егора.

— И не подумаю. Уходи!

— Арина, хватит дуться и обижаться. Будь мудрее. Я, например, готов забыть то, что ты сказала. Видишь, иду на такие уступки! И вообще, ты меня не так поняла.

— Серьезно?!

Что из его пламенной речи можно было понять как-то не так? На мой взгляд, все очевиднее некуда: муж подумал-подумал, да и решил усидеть сразу на двух стульях. А я, как «девушка не первой свежести», должна с радостным визгом броситься ему на шею и принять его невероятно щедрое

предложение.

— Серьезно. Давай я все объясню про Аллу. Ты меня поймешь. Обязана понять. Слышишь?

— Я тебе больше ничем не обязана, мы разводимся. — Повышаю тон и шиплю в замочную скважину: — Уходи, или я вызову полицию!

Егор чертыхается вслух.

— Ты не посмеешь.

— Давай проверим!

Наконец-то он умолкает. Я прикипаю ухом к двери и слышу, как он неразборчиво что-то бормочет, однако затем на лестничной площадке гулким эхом отдаются его шаги. И тишина.

Я выжидаю еще с минуту, устало прислоняюсь спиной к двери и перевожу дыхание.

Вот гад... Зла не хватает! Взяла бы и придушила его собственными руками. Давила бы, давила его шею и смотрела, как он хрипит, как краснеет от натуги его лицо.

Когда вспыхнувшая перед глазами яркая картинка меркнет, я вдруг кое-что понимаю и стону вслух. Чемоданы так и остались у Егора. Теперь он мне их точно не отдаст, и к гадалке не ходи. Скажет, вела себя «ненормально» и не заслужила.

Бли-и-ин...

Однако уже через минуту мои глаза лезут на лоб, когда мой телефон пиликает, а я читаю входящее сообщение:

«Я ушел. Забери чемоданы, пока их не украли».

Что за щедрость? Впрочем, выбирать не приходится: и мне, и Мише нужны вещи, ведь нам даже не во что переодеться. Как говорится, спасибо и на этом.

Я хватаюсь за ручку двери, но мнусь в нерешительности. Вдруг это ловушка? Что, если муж стоит себе за дверью, ждет, пока я открою?

Я спешу на кухню, к окну. Вдруг Егор припарковал машину под подъездом? Если так, я ее увижу.

И точно: успеваю заметить, как он выезжает со двора.

Спешу на лестничную площадку и затаскиваю вещи в квартиру, гадая про себя — почему все-таки решил их отдать?

Ладно, какая мне разница.

«Напиши, как заберешь, — получаю следующее сообщение от мужа. — Я зарабатывал на эти вещи не для того, чтобы они достались каким-нибудь бомжам».

Сразу представляю, с какой перекошенной мордой он это печатал. Снова о себе любимом, убытки подсчитывает. Все он, все благодаря ему, а я, видимо, так, иждивенка. То, что часть этих вещей куплена на мои деньги, он предпочел благополучно забыть. И то, что я все годы брака не сидела без дела, — тоже.

«Забрала», — отвечаю.

«Мы не договорили, Арина, — еще раз загорается экран мобильного. — Тебе придется меня выслушать. Ты не смо-

жешь скрываться от меня вечно».

Я хмыкаю. Вечно и не придется. Разведемся, и дело с концом.

Мне абсолютно все равно, что он хочет рассказать мне о своей драгоценной Аллочке и что я должна понять. Точнее, обязана. Какова формулировочка-то, а?

Сдается мне, понять я должна то, что Егор не виноват, просто шел-шел и упал на Аллу. Очнулся — девица уже беременна. А он мужчина строгих правил: совратил — надо жениться. То, что для этого надо развестись с текущей женой — так, сопутствующий ущерб. Но он ведь меня не бросает, оставляет на скамейке запасных.

У-у, скотина!

Я сжимаю губы в тонкую полоску и с силой тяну поклажу за собой в мою с Мишей комнату. Колесики шуршат по старому паркетному полу в виде елочки, и вскоре я открываю чемоданы, чтобы проверить, что именно решил вернуть мне Егор.

Удивленно хмыкаю. Я-то думала, набросает внутрь то, что первое попало под руку, и на этом все. Но нет. Вещей много, и утрамбованы они весьма плотно. Однако сложены так, что сразу понятно: он делал это сам. Тут все что нужно и даже больше. Егор не забыл даже мою косметику, что стояла в ванной комнате и на моем столике в спальне.

Еще через минуту я обнаруживаю едва ли не самое главное: ноутбук. Вот это да!

А потом меня осеняет. До меня внезапно доходит сакральный смысл этой щедрости и того, почему он ждал, что я приглашу его зайти. Наверняка хотел, чтобы открыла чемоданы при нем, увидела, что он не пожадничал, и тогда точно согласилась бы на все его условия.

Видимо, до сих пор рассчитывает именно на это.

Я мысленно кручу фиги обеими руками, убираю вещи в шкаф и топаю в зал.

Слава богу, Миша вроде не слышал голос Егора и не задаст лишних вопросов. Пока он вообще удовлетворился объяснением, что мы немного погостим у моей старой подруги, тети Лены. Сын увлеченно пыхтит над конструктором, зовет меня на помощь.

Все то время, что я с ним играю, и потом, когда включаю ноутбук и сажусь за подработку, из головы никак не идет вопрос: что в голове у моего почти бывшего мужа?

Нам ведь придется видеться, как минимум в суде.

Зная его упертый характер, он не отступит, пока не расскажет свою сказку про Аллу. Но вряд ли остановится только на этом.

Что еще выкинет? В том, что выкинет, я несколько не сомневаюсь.

На следующий день

— Миш, давай сначала зайдём в магазин, а потом поиграем? — смотрю я на сына.

Мы идем по торговому центру. Сегодня суббота, и мы приехали сюда, чтобы купить ему обувь взамен той, что порвалась вчера в садике. И, как назло, наш путь лежит через детскую площадку.

Мишка надувает губы:

— Ну ма-а-ам, мы немножко поиграем. Вот столесько, — большим и указательным пальцем он показывает пару миллиметров. И смотрит на меня хитро-хитро.

Приподнимаю бровь. Ага, знаю я его пару миллиметров... Если сейчас попадем на площадку, раньше, чем через час-полтора, я его оттуда не выманю никаким коврижками.

Потом он скажет, что устал и не хочет идти в магазин. Плавала, в курсе.

— Вот именно, — объясняю терпеливо. — Если поиграем сейчас, то пять минут, и все. Но если сначала сходим в магазин, то потом я дам тебе поиграть знаешь сколько?

— Сколько? — загораются глазенки сына.

— Целый час! — шепчу заговорщически.

— Ого, — проникается Миша и сдается: — Ла-адно.

Мы направляемся к детскому магазину.

— Мам, я на шнулок наступил. Стой.

Я успеваю сделать еще пару шагов вперед, затем так резко оборачиваюсь к сыну, что впечатываюсь в высокого мужчину. Он выходит из мужского бутика, напротив которого мы остановились.

Ойкаю. Ничего себе, какая стальная грудь, даже не дер-

нулся.

— Простите, — бурчу сдавленно и поднимаю взгляд.

Сердце сначала ухает в пятки, а потом начинает биться в районе горла.

Я машинально делаю шаг в сторону, затем вперед и резко разворачиваюсь, чтобы прикрыть собой Мишу.

Господи, ну почему из миллиона с лишним людей, что живут в этом городе, я умудрилась наткнуться именно на него?

Передо мной стоит Львов, с недоумением следит за моими передвижениями, но Мишу вроде не замечает. Изгибает бровь, однако уже через мгновение на его лице совершенно непроницаемое выражение.

«Почему не послушала сына? Надо было пойти на площадку», — догоняет меня запоздалая мысль.

— Здравствуй, Арина. — Голос Львова все такой же глубокий, как я помню.

Он действует на меня, как и раньше: легко и непринужденно пробирается внутрь, скользит по венам, вибрирует и отзывается в каждой клеточке тела.

И этот его взгляд... Глубокий, магнетический. Только теперь еще более уверенный и властный. Он испытующе смотрит на меня, и я громко сглатываю.

Что я там говорила Лене? Все в прошлом?

Потрясенно пялюсь на Артема и понимаю: ничего не в прошлом. Мое тело и разум реагируют на него, как будто все произошло вчера. Боль от его предательства открывает

дверь темного чулана, в который я ее заперла. Высовывает голову, а затем выходит. Вся до остатка.

— Здравствуй, — наконец произношу я еле слышно.

Лихорадочно соображаю, что делать. Развернуться и просто сбежать с Мишей? Артем не станет меня останавливать. Ведь не станет?

Пожалуй, так и поступлю. Однако ничего не успеваю.

— Мам, я все, — раздается из-за моей спины голос сына, он обходит меня сбоку и встает рядом, задирая голову. Хватает меня за ладонь и тянет вперед. — Идем?

Артем переводит взгляд на Мишу, на меня. И снова на Мишу.

Прищуривается и с каменным выражением лица рассматривает его.

Но потом... Судя по тому, как на скулах Артема начинают ходить желваки, он все сразу понимает. Ничего удивительного: у них с сыном один и тот же овал лица, цвет глаз и волос, форма носа, губ и даже бровей. К тому же я видела детские фотки Львова. Так вот, Миша выглядит ровно так же, как выглядел сам Артем в этом возрасте.

Внутренности сковывает. Я сразу подмечаю: Львов не просто зол, он в бешенстве. Пока что тихом, но от этого мне еще страшнее. Все то, чего я так боялась, происходит наяву. И если раньше я еще надеялась, что ему будет все равно на сына, то теперь надежда рассыпалась прахом.

Артему определенно точно не все равно. Вообще ничего

общего с «все равно».

Чувствую, как с лица сходит вся кровь, и меня ведет в сторону.

— Сколько ему лет? — В баре Львова отчетливо слышны опасные стальные нотки.

— Мне четьле, — непринужденно отвечает за меня Миша.

Ох, как сильно в этот момент я жалею, что у меня такой общительный и разговорчивый сын!

— Так ты уже большой? — натянуто улыбается ему Артем. — И когда у тебя день рождения?

— В конце малта.

Львову хватает буквально несколько секунд, чтобы прикинуть сроки и убедиться окончательно. Хотя мы оба и без того понимаем: в этом нет никакой необходимости.

Он полосует меня таким пробирающим до нутра взглядом, что по спине бежит холодок.

— Как его зовут, Арина?

— М-миша, — дрожит мой голос.

Артем делает шаг вперед и нависает надо мной огромной гранитной скалой так, что я невольно вздрагиваю.

Он поднимает мою голову за подбородок, заставляя смотреть ему прямо в глаза, нехорошо щурится и цедит морозным, колючим тоном:

— Как ты посмела скрыть его от меня?

Глава 17. Чужой дядя

Арина

Взгляд Артема горит угрозой и праведным гневом. Того и гляди, начнет метать в меня молнии.

Секунда, и я вспыхиваю. Изнутри поднимаются и в полный рост встают обида и бешеная злость.

Злость на этого придурка. Посмотрите-ка, как заговорил! С чего вообще решил, что спустя пять лет имеет какое-то право что-то мне высказывать *таким* тоном?

Вместо того чтобы поговорить по-человечески, предъявляет претензии так, словно я преступница века.

Нет у него никакого права так поступать. Нет, и все тут. Он его потерял в тот момент, когда не пожелал выслушать, сказал, что мне нет места в его жизни.

Явился не запылится, отец недоделанный. Кто он Мише? Никто. Так, донор спермы. И моей вины в этом нет.

И вооб

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.